

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Алтайский государственный университет»**

Юридический факультет

Кафедра уголовного права и криминологии

НЕОСТОРОЖНАЯ ФОРМА ВИНЫ И ЕЁ ВИДЫ
(магистерская диссертация)

Выполнил студент
2 курса, 365М группы,
дневного отделения
Чирва Степан Владимирович

Научный руководитель
д-р. юрид. наук, профессор
Детков Алексей Петрович

Допустить к защите
Зав. кафедрой,
д-р юрид. наук, профессор
Детков Алексей Петрович

«__» _____ 20__ г.

**Выпускная квалификационная
работа защищена**

«__» _____ 20__ г.

Оценка _____
Председатель ГЭК

Барнаул 2018

Оглавление

Введение.....	4
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	8
1.1. Историко–правовые и сравнительные аспекты вины.....	8
1.2 Понятие состава преступления	18
1.3 Субъективная сторона состава преступления и вина	23
1.4.Понятие вины. Концепции вины: нормативная, о пасного состояния, оценочная, психологическая.	26
1.4.1 Концепция опасного состояния	27
1.4.2 Оценочная концепция.....	29
1.4.3 Психологическая концепция.....	34
1.5 Понятие содержания вины (субъективной сторо ны), соотношение с формой, сущность вины.....	37
1.6 Компоненты вины.....	42
1.6.1 Интеллектуальный момент	42
1.6.2 Волевой и эмоциональный момент	46
1.7 В ы в о д ы п о г л а в е 1.....	49
Глава 2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕОСТОРОЖНОСТИ КАК ФОРМЫ ВИНЫ.....	53
2.1 Основы определения.....	53
2.2 Проблема соучастия в неосторожном преступлении.....	55
2.3 Неоконченное неосторожное преступление. Неосторожность и объективная сторона.....	63
2.4 Сущностные признаки неосторожной формы вины в целом.....	64
2.5 Значение специфических черт, отграничивающих легкомыслие и небрежность.....	66
2.6 Отграничение неосторожности от двойной формы вины.....	66
2.7 Выводы по определению неосторожности как формы вины.....	72
Глава 3. ЛЕГКОМЫСЛИЕ.....	74
3.1 Основы определения.....	74
3.2 Сознает ли субъект общественно-опасный характер своего действия-	

бездействия при легкомыслии?.....	75
3.3 Предвидение последствий.....	76
3.4 Расчёт лица.....	79
3.5 Легкомысленный характер расчёта лица.....	88
3.6 Обоснованный риск и легкомыслие.....	92
3.7. Выводы о легкомыслии.....	93
Глава 4. НЕБРЕЖНОСТЬ И ИНЫЕ ВИДЫ НЕОСТОРОЖНОСТИ.....	96
4.1 Основы определения небрежности.....	96
4.2 Предметное содержание небрежности.....	98
4.3 Критерии небрежности.....	102
4.3.1 Объективный критерий небрежности.....	102
4.3.2 Субъективный критерий.....	104
4.4 Иные виды неосторожности.....	108
4.5 Выводы о небрежности и других видах неосторожности.....	111
Заключение.....	114
Библиографический список	121

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения неосторожной формы вины обусловлена недостаточностью, отсутствием в доктрине, а равно и в законе ясных и полных ответов на вопросы доказывания наличия у преступника вины в форме неосторожности.

Установление неосторожной формы вины в общественно-опасном деянии влияет на установлении и отмену условного осуждения и УДО, неустановление рецидива, определение вида ИУ, отграничение смежных составов преступлений, определение категории преступления и т.д.

Такие авторы, как В.Л. Язовских и В.Л. Кравчук заявляют даже о кризисе вины – он, по их мнению, проявляется в действительно имеющих место противоречиях, и довольно серьёзных, между теорией и практикой, а также и в самой теории уголовного права.

Данная ситуация не только не свидетельствует о том, что возможности новых научных исследований неосторожной вины уже исчерпаны, но, напротив, подтверждает необходимость проведения дальнейших разработок в этой области, поскольку именно в настоящее время все чаще ощущается потребность в тщательной систематизации и обобщении научных взглядов, а также в переосмыслении отдельных теоретических положений.

Указанные моменты и предопределили выбор темы исследования.

Степень научной разработанности определяется тем, что неосторожная форма вины рассматривалась ещё в работах учёных дооктябрьского периода – Н.А. Неклюдов, Д.Ф. Кистяковский, А. Киселева, Н. С. Таганцева, Г. С. Фельдштейна. Исследования проблематики вины получили мощное развитие в советский период

с участием множества учёных, таких, как, например Б.С. Волков, П.С. Дагель, Н.И. Загородников, М.С. Гринберг, В.Н. Кудрявцев, А.И. Рарог, В.Е. Квашис, Г.А. Злобин, В.А. Нерсесян, В.Г. Макашвили, М.Г. Угрехелидзе, А.М. Трухин и др.

В наш исторический период исследования в области вины были продолжены такими учёными, как С. В. Векленко, Н. Г. Иванов, Н. Ф. Кузнецова, В. Е. Квашис, В. Н. Кудрявцев и другие.

Объектом исследования является неосторожная форма вины как многоаспектное уголовно-правовое явление, рассматриваемое с точки зрения особенностей его теоретического понимания и нормативного регулирования. Предметом исследования выступают положения теории уголовного права, а также положения уголовного закона, которые относятся к умышленной вине и определяют, в частности, ее понятие, виды и значение, а также судебная практика, воплощающая в себе наиболее общеупотребительное толкование положений уголовного закона и выступающая отчасти критерием истинности уголовно-правовой доктрины в утилитарном понимании истины.

Цель работы состоит в изучении и определении субъективных признаков, соответствующих неосторожности.

Указанная цель потребовала постановки и решения следующих задач:

1. Определения того, что есть субъективная сторона преступления и её составляющих.
2. Определение важнейших общих признаков неосторожности.
3. Рассмотрения возможных решений теоретической проблемы соучастия в неосторожном преступлении.
4. Определить, возможна ли ответственность за неоконченное

неосторожное преступление.

5. Определение существенных признаков неосторожности.
6. Определение роли легкомысленного расчёта.
7. Рассмотрения его легкомысленного характера.
8. Разграничить обоснованный риск и легкомыслие.
9. Определить предметное содержание небрежности.
10. Определить критерии небрежности.

Методологическая основа и методика исследования определяются его целью и задачами, особенностями объекта и предмета. В различной степени применялись методы анализа и синтеза, исторический и логический, системно-структурный, конкретно-социологический, сравнительно-правовой, лингвистический, и некоторые другие. Методика исследования заключается в решении поставленных задач на основе рассмотрения общих вопросов темы, теоретических и нормативных аспектов неосторожности с опорой на анализ судебной практики – приговоров по уголовным делам.

Теоретической базой послужили труды таких учёных как П.С. Дагель, К.Ф. Тихонов, В.А. Якушин, В.В. Питецкий, А.И. Рарог, Е.В. Юрчак, В.Г. Макашвили, А.А. Пионтковский, М.С. Гринберг, В.В. Питецкий В.В, А.А. Тер-Акопов, А.П. Бохан, Н.В. Петрашева, и др.

Нормативной базой явились Конституция Российской Федерации, действующее российское и советское уголовное законодательство, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

Эмпирической базой послужили приговоры судов по уголовным делам за период с 25 апреля 2014 года по 21 августа 2017 года. Исследованы приговоры, вынесенные районными судами областей Курской, Новосибирской, – по два, Оренбургской, Кемеровской, Саратовской по 1, республики Тыва –

два, Алтайского края - 4.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1.1 Историко - правовые и сравнительные аспекты вины .

Для наиболее полного понимания термина «вина» (*culpa*, *schuld*, *culpabilite*) необходимо исследовать историю российского института вины.

В древнерусском праве имело место объективное вменение, что объясняется недостаточным уровнем знаний об обществе и человеке. Неразличение формы и содержания, и, в частности, относительное невнимание к психической составляющей деятельности, которое сейчас считается проявлением детскости в мировоззрении на тогдашнем уровне было обычным, тем более, что объективные потребности создания и поддержания привлекательности судов, их конкурентности по сравнению с иными способами разрешения споров и обеспечения справедливости за счёт имиджа справедливости как объективности, необходимость соблюдения и по сей день чтимого единообразия в уголовно-правовой деятельности, ставшего идеологической основой для обобщений судебной практики – толкало правовую мысль именно в таком направлении (Вспомним для сравнения формальные доказательства в работе инквизиции более позднего времени в Европе. А ведь суды инквизиции считались относительно лучшими по сравнению с прочими – как раз за счёт единообразия и тем самым ограничения произвола столь грубыми на современный взгляд методами).

К тому же, это было и без надобности: для достижения цели возмещения причиненного ущерба (а в этом и был смысл

тогдашнего уголовного права) вина при ответственности значения не имела. Ответственность наступала при любом причинении вреда, а без его причинения не было и ответственности.

Уже Уложение 1649 года различало неумышленное, умышленное и случайное совершение деяния, в зависимости от чего дифференцировалась ответственность за содеянное правонарушение (статья 198 главы X; глава XXII и др.)¹.

В середине-конце XIX века в дореволюционной школе отечественного уголовного права отстаивался принцип субъективного вменения, применялся в основном психологический подход к понятию вины. В учебнике А.Ф. Кистяковского высказано следующее мнение: «Участие воли субъекта в совершении известного преступного действия и в происхождении его последствия столь необходимо, что, при отсутствии его, деяние, как бы оно не было вредно, может быть только по внешней форме тождественно с преступлением, но по своему внутреннему содержанию не иметь с ним ничего общего. Итак, только то преступление считается преступным и наказуемым, которое совершено субъектом по своей воле, словом, с желанием именно его совершить»².

Известные правоведы Н.С. Таганцев и Н.Д. Сергеевский считали настолько само собой разумеющимся и установленным понимание вины как формы психического отношения лица к деянию, что даже не находили нужным останавливаться на общем понятии, уделяя

¹ Памятники русского права. Вып. 5. М., 1956. С. 134, 248 - 251, 310 - 314, 432 - 436.

² Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства: Часть Общая. Киев, 1891. С. 312 – 313.

все свое внимание разработке форм вины³. По мнению Н.С. Таганцева, «вменение лицу преступного деяния означает признание лица не только учинившим это деяние, но и виновным в этом деянии, а поэтому уголовно-ответственным; без вины нет ответственности и вменения»⁴.

После революции можно отметить значительное оживление в теоретических исследованиях вины.

Как указывает П.Г. Мишурич, институт вины и принцип ответственности только при наличии вины появляется немедленно с созданием советского уголовного права, поскольку объективное вменение несовместимо с субъективным вменением.

Однако имела место и иная позиция – о необходимости изъять категорию вины из нового уголовного права как метафизическое наследие буржуазной юриспруденции. ⁵ Однако имела место и иная позиция – о необходимости изъять категорию вины из нового уголовного права как метафизическое наследие буржуазной юриспруденции ⁶. На наш взгляд, нельзя согласиться с мнением, что институт вины и принцип ответственности за вину возник лишь при советской власти, так как он существовал и ранее. Равно как и тезис о том, что категория вины была изъята из уголовного законодательства, представляется сомнительным. Вероятно, столь диаметрально противоположные оценки давались вследствие того, что не существовало четкого, однозначного, разделяемого

³ Векленко С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве: Монография. Омск: Омская академия МВД России, 2001. С. 36.

⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть Общая: Лекции. М., 1994. Т. 1. С. 410.

⁵ Мишурич П.Г. Очерки истории советского уголовного права. 1917 - 1918 гг. М.: Госюриздат, 1954. С. 157.

⁶ Назаренко Г.В. Вина в уголовном праве: Монография. Орел, 1996. С. 14 - 16.

юридическим сообществом понятия вины и понятия виновности, не определены границы данных понятий.

Так, в Положении о временных революционных народных судах Новгородской губернии указывалось, что при вынесении наказания суд обязан входить в обсуждение вопросов вины. Вина понималась как умысел или неосторожность, выразившиеся в деянии, опасном для пролетарского государства. В некоторых аналогичных документах различаются формы вины - умысел и неосторожность, допускается смягчение наказания в силу аффекта и учитываются другие субъективные моменты⁷. Наиболее четко сформулирован принцип вины в Положении о ротных товарищеских судах от 23 июля 1918 года: «Суд решает вопрос о вине и невинности по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, выявившихся при разборе дела, руководствуясь социалистической совестью»⁸.

В 20-х годах XX века идея отказа от понятия вины приобретает всё большую популярность, например Скрыпник Н. пишет «вместо этого отжившего, ненужного, служившего интересам буржуазии понятия вины советское уголовное право выдвигает новое понятие социальной опасности преступления»⁹; аналогично высказывается и Исаев М.И.: «вина в уголовном праве слишком уж срослась с представлением о классической школе, с представлением о справедливом возмездии, о нравственной оценке деяния, с представлением, наконец, о сухой абстрактной «формальной» вине, за которой упускалась из виду личность преступника - его

⁷ Генцерзон А.А., Грицгауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. М.: Юриздат, 1948. С. 107 - 109.

⁸ СУ РСФСР. 1918. N 55.

⁹ Скрыпник Н. Уголовная политика советской власти. Харьков: 1924. С. 31.

«опасное состояние»¹⁰. Так, ни в Уголовном кодексе от 1 июня 1922 года, ни в Основных началах уголовного законодательства СССР и союзных республик от 31 октября 1934 года, ни в Уголовном кодексе от 1926 года не употребляется понятие «вина», хотя сохранен умысел (как прямой, так и косвенный) как необходимое условие уголовной ответственности. Основанием уголовной ответственности становится общественная опасность - либо субъекта, либо деяния, либо того и другого, а вменяемость, умысел и неосторожность представляются как необходимые условия применения мер наказания¹¹.

В комментариях к уголовному законодательству того времени отмечалось, что, сохраняя понятие умысла и неосторожности, законодатель несколько не сохраняет этим понятия вины и не нарушает своего принципиального положения, согласно которому суд и закон учитывают не вину, а только социальную опасность деяния и деятеля¹².

Высказывались также крайние взгляды о том, что необходим отказ не только от понятия вины, но и от понятий умысла, неосторожности и вменяемости. Так, Н.Н. Паше-Озерский писал, что с точки зрения общественной опасности правонарушения и правонарушителя отпадает всякое значение деления

¹⁰ Исаев М.М. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. М.-Л.: ГИЗ, 1927. С. 25.

¹¹ Звечаровский И.Э. Уголовная ответственность: Понятие, виды, формы реализации. Учебное пособие. Иркутск: Иркутск. университет, 1992. С. 35 - 36..

¹² Гроздинский М.М. Новый Уголовный кодекс УССР: Общая часть // Вестник советской юстиции. 1927. № 17. С. 585.

правонарушений на умышленные и неосторожные¹³. В свою очередь, М.А. Чельцов-Бебутов также критиковал Уголовный кодекс РСФСР 1922 года за сохранение в нем умысла и неосторожности: "Этим, во-первых, создается почва для контрабандного возвращения идей нравственной вины, а во-вторых, ослабляется идея защиты от всех правонарушителей»¹⁴. А. Трайнин рассматривал вину как правовое понятие с условно-юридическим содержанием, охватывающим лишь отношение к результату, что в формальных составах вина отсутствует и ответственность наступает без вины, "вина в ее подлинном уголовно-правовом значении есть лишь родовое имя умысла и неосторожности»¹⁵.

В послевоенные годы вопросам вины в праве было посвящено множество работ, которые и сформировали разделение подходов на несколько групп. Это разделение актуально и формирует современную доктрину вины, что более подробно будет освещено в параграфе о понятии вины.

Кроме изменения положений о вине во времени возможно изменение её положений в пространстве, от одной правовой системы к другой, изучением чего учёные занимаются в рамках сравнительного правоведения.

Рассмотреть в подробностях воззрения зарубежных юристов на вину будет значить выход за границы настоящего исследования,

¹³ Паше-Озерский Н.Н. Несколько замечаний по поводу проекта УК РСФСР // Вестник советской юстиции. 1926. № 4. С. 143.

¹⁴ Чельцов-Бебутов М.А. Идея социальной защиты и общие учения Уголовного кодекса // Вестник советской юстиции. 1924. № 13. С. 377.

¹⁵ Трайнин А.Н. Этюды по уголовному праву. Вина и виновность // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 20 - 22.

поэтому будут рассмотрены самые основы на примере преимущественно законодательных положений.

Глубоко изучена эта тематика коллективом, сложившимся на кафедре Уголовного права и криминологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова¹⁶, особенный вклад внесла к.ю.н. Ирина Михайловна Тяжкова.

На основе её труда и будет осуществлено сравнение положений о вине в разных странах.

В зарубежном уголовном праве выделяют от двух до четырех самостоятельных форм вины. При этом их общее понятие, как правило, отсутствует. Исключением являются Франция и Германия. В английском уголовном праве упоминаются три формы: намерение, неосторожность и небрежность.

Уголовное право США нает 4 формы : с целью, с сознанием, неосторожно, небрежно, причём необычно для нас распространена детализация отношения к различным объективным признакам преступления. Намерение (intent) как форма вины по английскому уголовному праву предполагает лишь волевой момент. Деяние считается намеренным, если оно является результатом воли исполнителя и если последний ожидает наступления определенных последствий. Таким образом, наличие намерения, волевого момента умысла презюмируется.

Неосторожность (recklessness) в английской уголовно-правовой доктрине трактуется как сознательное игнорирование возможности наступления преступного результата. К

¹⁶ Курс уголовного права. Том 1. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. / [Электронное издание] // URL: <https://law.wikireading.ru/1032>

неосторожным относятся как те деяния, при которых лицо предвидит вредные последствия, так и те, при которых оно не предвидит, но должно их предвидеть, поскольку это способен сделать "разумный человек"*(698).

Составителями Примерного УК США (1962 г.) была предложена новая классификация форм виновности: 1) с целью, 2) с сознанием, 3) неосторожно, 4) небрежно. Каждая из этих форм вины может определяться по отношению либо ко всем, либо к некоторым из названных выше материальных элементов преступления.

В уголовном праве Франции конструкция вины строится на основе понятия общей (или минимальной) вины, которая характеризует любое преступное деяние – иными словами, умысел презюмируется.

Теоретики французского права выделяют предумысел (заранее обдуманый умысел, это отягчающее обстоятельство) и специальный умысел (где цель – квалифицирующий признак). Неосторожность поведения имеет место при сознательности волевым характере поведения, но отсутствии стремления к вредному результату (волевого момента). У французских авторов приятно подчёркивать противоположность умысла и неосторожности. Как и в российском уголовном праве, для обвинения в преступлении неосторожном обязательно фактическое наступление вредного последствия, соединённого с деянием причинной связью.

Для французского понимания неоторожной вины характерна казуистичность, определяется в законе она через характеристики преступлений, совершённых, например "по оплошности, неосторожности, невниманию, небрежности или погрешности в

отношении обязанности по безопасности или предосторожности, возложенной законом или регламентами".

Анализ преступных деяний, предполагающих неосторожную форму вины, показывает, что уголовная ответственность наступает только тогда, когда неосторожность повлекла тяжкие последствия (смерть, телесные повреждения, пожар и т.п.), либо когда преступное деяние совершено специальным субъектом, которому вменено в обязанность быть "особо бдительным", например, лицом, хранящим секреты национальной обороны (абз. 3 ст. 413-10 УК).

Независимо от причинённого вреда принято называть неосторожные преступления проступками. В юридической доктрине Франции разнообразно рассмотрена проблема «промежуточных» форм вины, совмещающих в себе признаки умысла и неосторожности.

К таким относят неопределённый умысел (*le dol indetermine*) означающий скорее двойную форму вины, а не наше понимание неопределённого умысла.

Также к промежуточным относят эвентуальный умысел (*le dol eventuel*), когда сознательно нарушается какая-либо обязанность по безопасности или неосторожности, пренебрегая опасностью. Напротив, в российском праве эвентуальный (косвенный) умысел, причём в сходном по сути определении этого понятия, относят к умышленной форме вины.

В немецкой правовой мысли вина понимается как упречность поведения, которое понимается как внутреннее отношение исполнителя к своему деянию. Выделяется умышленная и неоторожная вина. Упрёк выносится судом, выявляющим осознанность поведения и долженствование этой осознанности.

Различаются две формы вины: умысел и неосторожность. Под умыслом понимается наличие у лица осознания противоправности своего поведения и воли, направленной на совершение данного противоправного деяния. Неосторожность имеет место тогда, когда лицо оставляет без внимания требуемую осмотрительность, которую он был в состоянии и обязан в данном случае проявить в силу своих личных способностей и знаний.

В уголовном кодексе ФРГ не указаны определения форм вины. Вместе с тем, Параграфе 15 имеется аналог нашей ч. 2 ст. 24 УК РФ – также преступление считается по умолчанию совершаемым только умышленно, если в статье Особенной части не сказано обратное.

Ведётся дискуссия о соотношении деяния, умысла и осознания, где можно выделить 2 лагеря:

1. Так называемая "теория вины", господствующая на практике, отделяет умысел от сознания неправомерности деяния и считает его самостоятельным элементом вины. Умысел должен относиться только к признакам состава деяния, описанным в конкретной норме. В случае умышленного действия и незнания о противоправности речь идет о ненаказуемости лица, а в случае умышленного действия при возможности узнать о противоправности - об ошибке в запрете, которой можно было избежать. В последнем случае лицо может быть наказано за совершение умышленного деяния, наказание за которое в определенных случаях может быть смягчено.
2. Представители так называемой "теории умысла" рассматривают знание лица о том, что он своим действием нарушает правовой запрет, т.е. осознание противоправности, позитивной предпосылкой умысла.

Уголовные законы Польши, Швейцарии, Австрии и Швеции воспроизводят в основе своей те же положения, не давая, однако, определения вины, но определяя формы вины и аналогично их разграничивая, поэтому их анализ не представляет для нас такого интереса. Вместе с тем, общим правилом является положение о том, что на наказуемость неосторожных деяний должно быть специально указано законом, т.о. по общему правилу, общественно-опасное деяние является преступлением при умышленной форме вины. УК КНР в основных своих чертах тождественен отечественному уголовному закону, особенно по отношению к УК РСФСР 1960 г.

1.2. П о н я т и е с о с т а в а п р е с т у п л е н и я

Прежде чем давать определение субъективной стороне состава преступления, нужно учесть, что она существует постольку, поскольку существуют преступление и состав преступления. Следует сначала хотя бы в общих чертах определить их, дабы не возникало в дальнейшем противоречий, связанных с особенностями используемых понятий, поскольку единства позиций в их понимании не наблюдается.

Состав преступления применяется в процессе квалификации преступления. Теперь есть также промежуточная задача определения квалификации. Дано несколько различных определений квалификации, так у Кудрявцева: «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления»¹⁷. Однако в более позднем издании даётся определение с уточнением

¹⁷ Кудрявцев, В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1963. — С.7-8.

места и роли квалификации, определяя её лишь как один из этапов применения нормы уголовного права, состоящий в принятии решения о том, какая именно уголовно-правовая норма предусматривает совершенное преступление, и в закреплении этого решения в уголовно-процессуальном акте¹⁸. М.И. Коржанский: «уголовно-правовая оценка совершенного деяния, выбор и применение к нему той уголовно-правовой нормы, которая полнее всего описывает его признаки»¹⁹. Он не включает в понятие квалификации её юридическое закрепление, ибо считает, что выбор нормы такое закрепление уже производит²⁰. Тарарухин полагает, что нельзя соотносить абстрактное понятие — закон, и реальное явление — преступление. С последним сразу же возникает противоречие, поскольку если нельзя соотносить реальные явления и абстрактные понятия, то в чём смысл последних?

Ответ на вопрос, с чем при квалификации преступлений устанавливается тождество - с признаками уголовно-правовой нормы или с составом преступления, содержится в понимании состава преступления, а именно имеется он в реальном преступлении либо является законодательной абстракцией.

Нормативисты — Пионтковский²¹, Игнатов²², Гонтарь²³, полагают, что состав преступления есть законодательная абстракция. Кузнецова указывает на нелогичность подобного

¹⁸ Кудрявцев, В.Н. Общая теория квалификации преступлений. — М. : Юридическая литература, 1972. — С.14.

¹⁹ Коржанский М.И. Квалификация преступлений. Киев, 1998. С. 10 - 11 (на укр. языке).

²⁰ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика. В.Н. Кудрявцева. — М.: Издательский Дом «Городец», 2007. С. 4.

²¹ Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 120.

²² Игнатов, А.Н., Костарева, Т.А. Уголовная ответственность и состав преступления: курс лекций. — М.: Инфра-М, 1996. — С. 27.

²³ Гонтарь И.Я. Преступление и состав преступления как явление и понятие в уголовном праве. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. — С. 10

подхода, поскольку при анализе и описании конкретных признаков состава приходится пользоваться описаниями реальных явлений, а не законодательных абстракций. Тогда получается, что явление в целом не может быть иным, чем его части²⁴. Существование же состава только как теоретической конструкции, как это полагают Навроцкий²⁵ и Маритчак²⁶, также невозможно — он иначе используется.

Видимо, всё же наиболее перспективной является концепция реального состава преступления. Кузнецова предлагает следующее определение состава преступления - это структурированное по четырём подсистемам ядро (основа, сущность) преступления, состоящее из обязательных элементов, образующих общественную опасность деяния, признаки которых обрисованы в диспозициях уголовно-правовых норм Общей и Особенной частей УК. Состав, исходя из лингвистического толкования — нечто, находящееся в преступлении. Поэтому состав преступления так же реален, как оно само²⁷. Это подтверждают формулировки примечаний. Освобождающих от уголовной ответственности ввиду деятельного раскаяния, в случае если в действиях лица не содержится иного состава преступления. Из чего мы опять-таки видим реальный характер состава.

Взгляд на состав преступления как на абстракцию имеет немецкое происхождение, однако для немецкого права характерно, в отличие от российского, формальное определение преступления, которое и подталкивает к такому взгляду на состав преступления. В

²⁴Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика. В.Н. Кудрявцева. — М.: Издательский Дом «Городец», 2007. С. 5

²⁵Навроцкий В.О. Теоретические проблемы правовой квалификации. Киев, 1999. С. 136 (на укр. языке)

²⁶Маритчак Т.М. Ошибки в квалификации преступлений. Киев, 2004 (на укр. языке).

²⁷Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика. В.Н. Кудрявцева. — М.: Издательский Дом «Городец», 2007. С. 6.

российских учебниках по уголовному праву начала XX века состав преступления определялся как совокупность признаков, образующих данное преступление. При материальном или формально-материальном определении преступления не должно возникать проблем с пониманием реального, фактического характера данных признаков. При формальном определении преступления как запрещённого законом деяния без опоры на его общественную опасность, как и указано в п. 1 параграфа 12 УК ФРГ возможны проблемы с выявлением того, где же содержатся признаки — ведь если преступлением считается деяние, указанное в законе, то можно не обращать внимание на общественную опасность, тогда склонность к идеалистическим конструкциям не находит препятствия в определении. Так, в п. 1 параграфа 13 УК ФРГ говорится «предусмотренного законом состава деяния» и далее о составе говорится, как о запрещённом уголовным законом. Однако бросается в глаза, что даже в этом случае говорится о составе деяния, а деяние так и ли иначе — реально. Всё же корни преобладания нормативистского подхода к составу преступления нужно искать в существенном значении нормативизма для немецкой правовой науки, в лоне которой он и появился.

Особенностью нормативистского подхода является раздвоение состава на юридический и фактический²⁸. Между тем, основанием уголовной ответственности является деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Здесь сложно говорить о двух составах. Более того, само существование понятия юридического состава невозможно, поскольку он не может быть основанием юридической ответственности. Ведь именно наличие состава делает деяние

²⁸ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика. В.Н. Кудрявцева. — М.: Издательский Дом «Городец», 2007. С. 7

преступлением. Деяние без него преступлением не является и остаётся деянием в ином, философском смысле, как акт, имевший место. «Юридический состав», существуя всё время действия закона основанием уголовной ответственности быть не может, поскольку им является осуществление признаков состава в конкретном деянии.

Далее, Кузнецова указывает, что не ошибочным будет сопоставлять признаки, указанные в уголовно-правовой норме с признаками состава преступления²⁹. Установления тождества между признаками, указанными в уголовно-правовой норме (не будем забывать о том, что норма права может содержаться в нескольких нормах закона) и будет являться процессом квалификации. Вместе с тем, она указывает на причины условного названия некоторых частей уголовно-правовой нормы составом преступления — норма не столь чётко структурирована. Поэтому и имеет место в действительности не могущее существовать с позиций логики понятие «юридический состав преступления», под которым именуют часть уголовно-правовой нормы, описывающее сущностные, ядерные признаки преступления. Оно имеет условный характер и служит целям удобства. Выделяют, соответственно, признаки объективные — объект и объективная сторона, и субъективные — субъект и субъективная сторона.

Вместе с тем, реальность преступления и его состава не отменяет существования идеальных понятий о них, относительно них возможны различные логические операции. Преступление в качестве понятия есть обобщение 1 уровня, а состав преступления - второго уровня, понятие о составе преступления отражает не только обобщение индивидуальных актов общественно опасного поведения, но и восприятие их рассечённом, структурированном

²⁹ Там же. С. 8.

виде³⁰. Но при этом сам он схемой, чертежом, обобщением не является, в отличие от построений тех авторов, что полагают его теоретической конструкцией или законодательной. Это нарушило бы иерархию обобщений.

Дальнейшее определение субъективной стороны целесообразно путём выявления её собственных признаков. Определение её от противного (субъективная сторона это не объективная, не субъект, не объект) очевидно либо малоинформативно при использовании подобных обобщений, либо при использовании обобщаемых признаков слишком громоздко.

1.3. С у б ъ е к т и в н а я с т о р о н а с о с т а в а п р е с т у п л е н и я и в и н а

Субъективная сторона состава преступления относится к достаточно разнообразно определяемым понятиям. Так, Дагель понимал как субъективную сторону состава преступления вину, полагая эти понятия тождественными³¹ и определяя субъективную сторону состава преступления как психическое отношение субъекта к своему общественно опасному деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности. В противовес ему такой видный учёный как Якушин указывает, что субъективная сторона состава преступления - существующая в период совершения преступления субъективная реальность, выраженная в предусмотренной законом форме вины, мотиве, цели,

³⁰ Плотников, А.И. Объективное и субъективное в преступлении : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.И. Плотников. – М., 2012. – С.18. Диссер. типа С. 18.

³¹ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. С.38, С. 43.

эмоциональных составляющих³². Этим Якушин оппонирует так же и Ворошилину, Кригеру³³, которые придерживаются взглядов, сходных с Дагелем. В позиции Якушина имеется несколько моментов, вызывающих возражения. В частности, отделение мотива и цели не даёт какого-либо дополнительного расширения понятия субъективной стороны. Подробнее об этом в Главе 2.

Кроме того, подход сужения вины с субъективной стороны в целом до компонентов, перечисляемых в положениях УК о форме вины вызывает предположение о необоснованном отождествлении признаков вины и признаков формы вины. Казалось бы, что данный подход имеет философское основание — ведь каждое явление должно существовать в определённой форме, а наличие элементов, выходящих за её пределы недопустимо. Вместе с тем, следует понимать, что таких форм может быть множество. Правовые формы вины, имеющиеся в УК РФ, предназначены для соответствующего принципу правовой экономии описания наиболее типичных сочетаний признаков, установление которых в каждом деянии будет влиять на квалификацию. Таким образом, для законодателя при определении формы вины необязательно перечислять не только все, но даже необязательно перечислять все уголовно-значимые признаки вины. Уголовно-правовое значение признаков состава преступления не исчерпывается квалификацией, следует помнить об индивидуализации наказания и криминологическо-профилактической. И здесь ограничиться признаками, перечисленными в ст. 25 и ст. 26 УК РФ очевидно нельзя. Следует отметить, указанное значение справедливо равным образом и для признаков вины независимо от подхода к её объёму и тогда попытки сузить вину представляются ещё более необоснованными.

³² Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова — Спб.: Питер, 2005. — С. 176.

³³ Там же

Также особого внимания заслуживает то, что среди признаков преступления имеется только 1 субъективный — вина. А противопоставление преступления и состава преступления, как уже упоминалось ранее, является необоснованным.

Следует упомянуть также мнение таких учёных, как Демидов³⁴, Злобин³⁵, Малков³⁶, которые полагают следующее – вина больше по объёму, чем субъективная сторона состава преступления, поскольку виной они считают цельную оценку совершённого, а не отдельный элемент состава преступления. Как следует из их трудов, авторы склонны выделить два качества вины: как субъективной стороны преступления и как основания уголовной ответственности. Во втором случае вина рассматривается как «целостная характеристика преступления». Данная позиция отвечает интересам практических работников, поскольку при доведении до логического завершения таких взглядов необходимость в специальном исследовании психических явлений у субъекта представляется излишней. Соответственно, она противоречит требованию уголовного закона о недопустимости объективного вменения.

Если перечисленные аргументы основаны на абстракциях низких уровней, то в дальнейшем доводы непосредственно относятся к характеристике мотива и цели, поэтому будут рассмотрены в следующей главе. В дальнейшем понятия субъективно стороны состава преступления и вины будем считать тождественными.

³⁴ Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 114

³⁵ Злобин Г. А. Виновное вменение в историческом аспекте // Уголовное право в борьбе с преступностью. М. 1981. С. 23

³⁶ Малков В. П. Субъективные основания уголовной ответственности // Государство и право. 1995. № 1

1.4. П о н я т и е в и н ы . К о н ц е п ц и и в и н ы : н о р м а т и в н а я , о п а с н о г о с о с т о я н и я , о ц е н о ч н а я , п с и х о л о г и ч е с к а я .

Вина может пониматься как признак состава преступления, как принцип и иногда как чувство, переживаемое преступником по поводу его поведения и предполагаемое у него. В рамках данной работы, как это уже могло быть замечено, вина рассматривается преимущественно как признак состава преступления.

На данный момент не существует общепризнанного понятия вины. Это послужило одной из причин отсутствия определения вины в действующем УК РФ. Концепции, кроме нормативной, различаются в зависимости от того, что признавалось основой для квалификации — помня о большем значении вины, мы не забываем о первоочередном назначении признаков состава преступления — квалификационном. Кратко — это признание основой для утверждения о наличии вины - у теории опасного состояния — личностных особенностей, достаточно устойчивых и характеризующих. Это убеждение судьи в порицаемости поступка для оценочной. И это определённое психическое отношение для психологической.

Нормативный подход к понятию вины представляет её как имеющуюся правовую конструкцию в виде признаков видов соответствующих форм вины. Как отмечает Юрчак, это ведет к косности и неспособно разрешить существующих проблемы субъективной стороны. Такая концепция в действительности является результатом компромиссов между различными подходами, имевшимися у создателей уголовного закона и отмечается как воплощение консерватизма.

1.4.1 Концепция опасного состояния

Далее, следует отметить концепцию опасного состояния. Замечания авторов, её описывающих, чаще всего критичны и рассматривают её как результат недоразумения. Вместе с тем, подобный критицизм не совсем обоснован, хотя бы потому, что попытки использования фашистами различных современных им теорий, естественно приводя их к абсурдному, извращённому виду, не говорят о самой сущности теории, наиболее известный пример - генетика.

Примером определения вины в рамках данной концепции является данное С.В. Познышевым — такое настроение субъекта, при котором лицо осознаёт или имеет возможность осознавать, что действует преступно и находится в таких обстоятельствах, что мог бы от данного поведения удержаться, если бы у него не были недоразвиты противодействующие последнему чувства и представления (в силу личностных особенностей³⁷).

Профессор Звечаровский отмечал имевшееся в советском праве установление в законодательстве зависимости между основанием и пределами уголовной ответственности и связанностью лица с преступной средой.

В отличие от данного Познышевым определения, классовый подход, характерный для Советской власти, основывался не на индивидуальных недостатках личности, а на классовом понимании преступления. Классовое положение лишь отчасти сопоставимо с отношением к преступной среде и главным образом при установлении ответственности за классовую борьбу. Классовое положение тогда является объективным признаком состава

³⁷Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права: общая часть уголовного права. М., 1912. С. 266, 267.

преступления и не имеет отношения к концепции вины³⁸.

В действительности же утверждения сторонников теории опасного состояния (М.Майера, Кауфмана, Вольфа, Сейера, Немировского) о логической невозможности всегда безошибочно установить вину лица по объективным признакам деяния выглядят достаточно очевидными. Вполне ясно, что анализ предшествующего состояния лица, его психотипа и т.д. является более надёжным исследованием. Однако слабым местом теории является то, что установление указанных моментов, выявление преступного настроения и недоразвитости противодействующих совершению преступления чувств и настроений — задача нетривиальной сложности для судьи. Требование полномасштабной психологической экспертизы с учётом реальных возможностей психологической науки на данный момент особенно с учётом дополнительной затратности является практически сложно осуществимым. В случае применения более совершенных, доступных и, главное, достоверных способов установления психических особенностей личности, приведших лицо к преступлению и не предотвративших его совершение, такая концепция напротив становится более эффективной для целей уголовного наказания, поскольку позволит при соответствующем комплексном изменении уголовной политики лучше сфокусироваться на исправлении лица и частной превенции. В отсутствии же такового риск превышает выгоды и теория тем самым проигрывает в сравнении с иными. Риски заключаются, в частности, в справедливо отмеченной опасности привлечения лица к ответственности без наличия связи между его психической деятельностью и совершением данного деяния только лишь

³⁸Звечаровский И.Э. Уголовная ответственная: Понятие, виды, формы реализации. Учебное пособие. Иркутск: Иркутский университет, 1992. С. 35-36.

потому, что он способен по своему складу и сделал. Речь идет об объективном вменении, а это недопустимый риск.

1.4.2 Оценочная концепция.

Представитель оценочной теории авторитетнейший германский юрист Хайнц-Хайнрих Ешек даёт такое определение: «Вина — это заслуживающий порицания недостаток правосознания, который нашел выражение в совершении соответствующего составу преступления противоправного деяния»³⁹.

Несмотря на кажущуюся привлекательность этого определения в силу опоры на понятия из теории права, сразу бросается в глаза условие данной теории о порицаемости некоторого недостатка правосознания. Поскольку квалификация осуществляется судом, то осуществляется в наиболее законченном виде при вынесении обвинительного приговора. Суд осуждает лицо. Суд полагает определённый поведенческий акт недопустимым с точки зрения уголовного закона. Тем самым он порицает и поведение осуждаемого лица. Но поведение как совокупность субъективного и объективного. Невозможно, по крайней мере в уголовно-правовом смысле порицать некие психические явления в отрыве от объективных признаков, от деяния, например, нельзя порицать психический процесс в отрыве от целостного преступления, поскольку это будет ответственностью за мыслепреступление, не иначе. Порицается

³⁹Лясс Н.В. Проблемы вины и уголовной ответственности в современных буржуазных теориях. 1977 / Н.В. Лясс. - Л: Изд-во ЛГУ, 1977. - с126. // Сайт Textbooks.global [Электронный ресурс] — Электр. Дан. - Заглавие с экрана URL: (дата обращения 16.12.16) <http://textbooks.global/ugolovnoe-pravo-uchebnik/vina-50259.html>

преступление в целом, а не его отдельные части. В самом деле, состав преступления есть совокупность необходимых и достаточных признаков. Если бы порицать можно было бы за отдельные, то в понятии состава преступления не было бы смысла, возможно было бы привлечение к ответственности и за часть признаков, недопустимость чего общепризнанна. Тут сразу следует оговориться, что порицаемость возможно понимать исключительно с формально-юридических позиций и безусловно как акт, влекущий собственные правовые последствия. Таким требованиям отвечает преступление в целом, а не его отдельные части. Порицаемость некоторых психических явлений, даже если это недостаток правосознания, является скорее морально-нравственной категорией и одновременно реально проявляющимся в процессе квалификации феноменом. Об этом позже

Далее, Утевский излагает основные моменты, которые должны присутствовать в вине:

1) наличие совокупности субъективных и объективных обстоятельств,

характеризующих подсудимого, совершенное им преступление, последствия,

условия и мотивы совершения им преступления;

2) отрицательную общественную (морально-политическую) оценку от

имени социалистического государства всех этих обстоятельств;

3) убеждение советского суда, что действия подсудимого на основании

этой оценки должны повлечь за собой уголовную, а не какую-либо иную

(административную, дисциплинарную, гражданскую) его

ответственность

Если первый пункт не вызывает возражений, то относительно 2) и 3) они существенны. Не обращая внимания на термин «социалистический», который является знаком эпохи написания Утевским его трудов, в п. 2) видим оценку всех этих обстоятельств от имени ... государства. К чему говорить об этой оценке, если она явствует из формального запрета на деяние, без которого бессмысленен бы был уже 1 пункт Там пишется «совершённое им преступление», что уже предполагает знание о формальной запрещённости, которое уже в принципе является априорной, знание закона является не этапом квалификации, а предпосылкой к процессу квалификации. Наконец, оценка от имени государства поведения как порицаемого, сам вывод о порицаемости недостатка правосознания является скорее установлением виновности, а не вины. Предполагается некое смешение в оценочной теории этих понятий.

Юрчак приходит к заключению, что виновность – это доказанная с учетом всех обстоятельств совершения правонарушения и установленная вступившим в законную силу правоприменительным актом вина и формулирует следующее общеправовое определение понятия виновности:

Виновность – это установленное вступившим в законную силу правоприменительным актом психическое отношение деликтоспособного физического лица или лица, уполномоченного на совершение юридически значимых действий от имени и в интересах юридического лица к совершаемому им общественно вредному деянию и его последствиям, которому, с учетом всех

обстоятельств совершения деяния, дана отрицательная оценка со стороны государства⁴⁰.

Впрочем, следует указать, что сама Юрчак представительница психологической теории. Однако это колеблет замечания о смешении в оценочной теории понятий вины и виновности. Это тем более очевидно, если обратить внимание на п.3) где уже говорится об установлении именно преступного характера поведенческого акта. То, что это совпадает с типичным этапом квалификации, наводит на мысль опять-таки о смешении вины и виновности. К установлению субъективной стороны состава преступления вопросы разграничения отраслей права безусловно имеют отвлечённое отношение. Более того, установление признаков состава преступления, т.е. Субъективной стороны, которой является вина, в процессе квалификации должно предшествовать выводу об отнесении к той или иной отрасли в силу как раз роли субъективной стороны (вины) при квалификации.

Современный исследователь Складов также склоняется к оценочной теории вины⁴¹. Изначально его позиция скорее базируется на психологической, поскольку, в отличие от более ранних авторов он всё же выводит вину из психического отношения, так называемой осознанности. Однако поскольку он определяет вину как степень осознанности, а формы и виды различаются её величиной, то это действительно в сущности оценочная теория, которой он себя и относит. Такой псевдоколичественный подход в силу практической сложности проведения каких-либо точных измерений в такой области низводит квалификацию по субъективной стороне в область

⁴⁰Юрчак Екатерина Валерьевна. Вина как общеправовой институт: Дис. ... д-ра юрид. Наук : 12.00.01 : Москва, 2015 г. С. 16.

⁴¹Складов С. В. Вина и мотивы преступного поведения. СПб, 2004. С. 21.

полнейшего судебного усмотрения, что значительно хуже, чем существующие альтернативы, с точки зрения выполнения принципа вины и скорее всего, привело бы на практике к усилению правоприменительного произвола. Предположительно, это негативные последствия принятия статус-кво в правоприменительной практике и отчасти в преподавании. Несмотря на требования господствующей психологической теории о категорическом, а не «количественном» подходе, детерминации вывода о форме и виде вины определёнными признаками, указывающими на определённые психические явления, имеется стихийный оценочный подход, когда главным видится лестница видов форм вины, на которой уже по рассмотрении обстоятельств дела отыскивается подходящий по «тяжести». В действительности, прямой умысел и небрежность проблематично сравнивать по степени общественной опасности по той же причине, по которой невозможна оценка мысли — по крайней мере в рамках правоприменительного процесса возможна оценка исключительно преступления в целом. Мелкое хищение с прямым умыслом и причинение смерти по неосторожности в виде небрежности тому примерами. Первое при совершении впервые будет вовсе подлежать административной ответственности, а второе — преступно. Данный момент неоднократно обсуждался, в частности о нём подробно писал Дагель, чья позиция по данному вопросу будет затронута ниже. На данный момент господствующей теорией является психологическая, о которой сейчас пойдёт речь.

1.4.3 Психологическая концепция

Она является наиболее распространённой теорией вины, широко принята в доктрине и именно на её основе сформулированы определения видов форм вины.

А.А. Пионтковский определял вину как «умысел и неосторожность, выраженные в совершенном лицом преступлении»⁴².

А.И. Рарог определяет вину как «психическое отношение лица в форме умысла и неосторожности к совершаемому им общественно-опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших социальных ценностей»⁴³.

Вина определяется Дагелем как психическое отношение к общественно опасному деянию и его общественно опасным последствиям. Это определение несколько сужает границы вины – это сделано потому, что прочие части психического отношения – вины, отождествлённой Дагелем с субъективной стороной – не интересуют уголовное право⁴⁴. Психическое отношение есть внутренне избирательная связь между субъектом и объектом, зависящая от содержания предмета отношения и значимости для относящегося лица.

Сходное определение приводит и Якушин: Вина есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному и уголовно-противоправному деянию, выраженное в

⁴²Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 105-106.

⁴³Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 10.

⁴⁴Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. С.44.

определенных законом формах, раскрывающих связь интеллектуальных, волевых и чувственных процессов психики лица с деянием и являющихся в силу этого основанием для субъективного вменения, квалификации содеянного и определения пределов уголовной ответственности⁴⁵.

Как видим, различных вариантов определения достаточно много, однако они имеют явные общие черты. Юрчак приводит такие обобщения:

1) вина – это психическое (сознательно-волевое) отношение лица к

определенным объективным явлениям,

2) это психическое отношение не только к явлениям, но и к их последствиям,

3) лицо осознает общественную вредность своих деяний и их последствий⁴⁶.

Хотелось бы отметить 2 момента. Отношение к последствиям возможно только в материальных составах. И осознание лицом общественной вредности своих и деяний и их последствий является избыточным требованием, поскольку не имеет правового обоснования в рамках субъективной стороны. Обоснование осознания лицом общественной опасности (Юрчак предлагает вместо неё говорить об общественной вредности) при наличии в вине требует обоснования в приговоре, отдельного упоминания. Судьи не приемлют подобной позиции. Впрочем, такая позиция всё же подкрепляется авторитетом такого учёного, как Якушин, который утверждает о обязательном наличии осознания порицаемости своих действий у преступника.

⁴⁵ Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. - Тольятти: Издательство ТолПИ, 1996. С. 296 // Сайт REFdb.RU [Электронный ресурс] - Электр. дан. - Заглавие с экрана. URL: <http://refdb.ru/look/1421763-pall.html> (дата обращения 13.05.2016) (да

⁴⁶Юрчак Екатерина Валерьевна. Вина как общеправовой институт: Дис. ... д-ра юрид. Наук : 12.00.01 : Москва, 2015 г. С. 61.

Юрчак отмечает невысокую применяемость термина психическое отношение в психологических исследованиях наших дней, с чем следует согласиться, а также выражает недоумение по поводу того, что под ним понимать. Ей видится альтернатива между последующей оценкой преступником своего поступка и тем, что он сознательно его совершил.

В действительности же психическое отношение в наиболее абстрактном виде можно представить как психические явления, состоящие в причинно-следственной связи с объективными признаками преступления, а также и сама эта причинно-следственная связь от психических явлений к непосредственным действиям (под которыми здесь понимаются собственно телодвижения) или бездействию. Эта связь воплощается в окончательном виде, достигает завершенности в момент окончания совершения действий или бездействий, составляющих объективные признаки преступления.

Она сохраняется в памяти преступника в адекватном виде, что даёт возможность преступнику для понимания содеянного, понимания, какие его мысли и стремления, отношение к себе и окружающему миру породили его деяние, повлекли последствия в материальных составах.

У вменяемого человека с развитой совестью воспоминания об этом должно вызывать эмоциональное чувство вины. Осуждённый, испытывая лишения и вспоминая о пережитых лишениях, при попытке ответить на вопрос, за что это ему это пришлось перенести, в идеале должен понимать, что это случилось за нанесённый вред общественным отношениям, вызванный действиями, обусловленными его собственными психическими явлениями. В результате он должен при исправлении так

измениться, чтобы эти психические явления не могли породить объективных признаков преступления. Этого можно достичь за счёт уменьшения силы или устранения некоторых психических явлений, создании противововеса в виде других психических явлений.

1.5 П о н я т и е с о д е р ж а н и я в и н ы (с у б ъ е к т и в н о й с т о р о н ы) , с о о т н о ш е н и е с ф о р м о й , с у щ н о с т ь в и н ы

Содержание, форма и сущность представляют собой последовательность по возрастанию, во-первых – абстрактности и повторяемости, а во-вторых - степени отражения наиболее характеризующего, важного признака.

Дагель указывает, что содержание вины является наиболее конкретной категорией, отражающей признаки вины. Содержание вины – совокупность психических элементов, в которых отражаются (или могут отражаться) объективные признаки преступления и которые выражают определённое отношение к этим признакам. Содержание конкретной вины – содержание умысла или неосторожности в конкретном преступлении⁴⁷.

Дагель полагает правомерным включать в содержание вины отражение (возможность отражения) отягчающих (смягчающих) обстоятельств, не являющихся признаками состава преступления, поскольку это влияет на степень вины⁴⁸.

Якушин в основном разделяет мнение Дагеля по поводу определения вины, но в части ограничения компонентов вины его подход имеет существенные особенности:

⁴⁷ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. С. 58.

⁴⁸ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. С. 59.

«...содержанием является не просто множество психических свойств, состояний или образов при совершении преступления, а те части целого психического (вины), которые являются пределом делимости - делимости вины в рамках ее качественной определенности. Это такие составляющие вины, которые, существуя в своих масштабах, в чем-то тождественны самой вине в целом. Такими составляющими вины являются интеллектуальные, волевые и эмоциональные моменты психики, в которых отражаются объективные свойства преступления и проявляется отношение к ним личности, совершившей его»⁴⁹.

Вместе с тем по вопросу соотношения содержания и формы вины имеются явные разночтения между Якушиным и Дагелем. Якушин пишет: «форму вины следует понимать не в плане какой-то объективной данности, а в плане психической смысловой, но реально существующей связи внутреннего мира человека с социальными и правовыми предписаниями, предъявляемыми к его деятельности. Такое понимание формы вины почти отождествляется с ее содержанием»⁵⁰. Характерным отличием позиции Якушина является вывод об отождествлении формы и содержания вины. По сути, форма сводится к содержанию. В этом вопросе имеется существенное отличие от взглядов Дагеля. По сути, форма в представлении Якушина – просто выражение содержания «через вербальную или двигательную деятельность, через внешне выраженные эмоциональные или чувственные всплески»⁵¹. О недостатках такой позиции уже говорилось —

⁴⁹ Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. - Тольятти: Издательство ТолПИ, 1996. С. 296 // Сайт REFdb.RU [Электронный ресурс] - Электр. дан. - Заглавие с экрана. URL: <http://refdb.ru/look/1421763-pall.htm> (дата обращения 13.05.2016)

⁵⁰ Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. - Тольятти: Издательство ТолПИ, 1996. С. 296 // Сайт REFdb.RU [Электронный ресурс] - Электр. дан. - Заглавие с экрана. URL: <http://refdb.ru/look/1421763-pall.html> (дата обращения 13.05.2016)

⁵¹ Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. - Тольятти: Издательство ТолПИ, 1996. С. 296 // Сайт REFdb.RU [Электронный ресурс] - Электр. дан. - Заглавие с экрана. URL: <http://refdb.ru/look/1421763-pall.html> (дата обращения 13.05.2016)

правовая форма ст.ст. 25-26 УК РФ не исчерпывает признаки вины.

Кроме того, здесь, по его мнению, эмоции не являются определяющими.

Иначе трактует форму вины Дагель. По его мнению, форма вины есть указанное законодателем сочетание элементов вины как психического отношения, включающая устойчивые, типичные, повторяющиеся элементы, причем совокупность достаточна и полна для характеристики поведения как виновного, а также обладает качественной определённой⁵².

С понятием формы вины, предлагаемым Якушиным, имеет сходство т.н. «внешняя форма» у Дагеля⁵³. Вопрос о ней он не затрагивает. Возможная причина – внешней формой вины является само деяние, а значит говорить о ней в рамках субъективной стороны – это смешивать субъективную и объективную стороны состава преступления.

Интересно, что далее, исследуя законодательные новшества своего времени, в той же работе Якушин говорит о формах вины скорее в понимании Дагеля – как о законодательно установленных вариантах соотношения определённых интеллектуальных и волевых элементов.

Касательно сущности вины Якушин не приводит каких-либо определений, лишь указывает, что именно интеллектуальные моменты определяют её.

Сущностью вины Дагель называет отрицательное отношение субъекта к охраняемым уголовным правом и нарушаемым им интересам ... общества, выраженное в совершённом им общественно опасном деянии⁵⁴.

⁵² Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. С. 60.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во

Сущность вины различается в умышленных и в неосторожных составах – по наличию сознательного противопоставления преступной воли общественным интересам либо только проявлению к этим интересам пренебрежительного, недостаточно внимательного отношения.

Существует точка зрения, представляемая К. Ф. Тихоновым⁵⁵, согласно которой суду следует указывать наличие отрицательного отношения к интересам общества в деянии субъекта. Дагель принципиально несогласен с таким подходом, утверждая, что в таком случае установление вины происходит не на основе законодательно закреплённых форм вины – следует отметить, что они введены и для установления сущности вины – а на основе судебного усмотрения.

Степень вины – одно из наиболее дискуссионных понятий в доктрине вины. Гилязов называл степенью вины количественное выражение элементов вины⁵⁶. По мнению Дагеля, степень вины – количественная характеристика вины, выражающая её сравнительную тяжесть, сравнительный размер. На степень вины влияют: общественная опасность, форма вины, характер умысла или неосторожности, мотивы и цели, а также причины преступления и условия, совершения преступления, сказавшиеся формировании субъективной стороны (случайное стечение обстоятельств, стечение тяжёлых личных или семейных обстоятельств), а также обстоятельства, характеризующие личность виновного, поскольку они выразились в вине субъекта.

Якушин же определяет её как, показывающую проявившиеся в конкретном действии отражательно-отношенческие стороны

Воронежского университета, 1974. С. 66.

⁵⁵ Тихонов К. Ф. Субъективная сторона преступления. Саратов, Приволжское книжное изд-во, 1967. С. 68-69

⁵⁶ Гилязов Ф. Г. Вина и криминогенное поведение личности. М.: ВЗПИ, 1991. С. 17

психики человека и сравнительную их тяжесть в рамках форм вины, ее содержания и объема⁵⁷. При этом Якушин не согласен с Дагелем касательно учёта при определении степени вины на основании учёта также обстоятельств, характеризующих личность виновного, ссылаясь на мнение Дъери⁵⁸, что указывал на недопустимость определения степени вины в зависимости от личности преступника.

Следует согласиться с тем, что ставить степень вины в зависимость непосредственно от личности нельзя, поскольку это будет дискриминировать лицо. Необходимо учитывать реальные психические процессы лица, не допуская чрезмерного преувеличения роли объективных факторов (профессии, например), не говорящих с необходимостью о действительном отношении лица.

Сущностью вины, согласно разделяемой нами позиции Дагеля, следует называть отрицательное отношение субъекта к охраняемым уголовным правом и нарушаемым им интересам ... общества, выраженное в совершённом им общественно опасном деянии.

Форма вины есть указанное законодателем сочетание элементов вины как психического отношения, включающая устойчивые, типичные, повторяющиеся элементы, причем совокупность достаточна и полна для характеристики поведения как виновного, а также обладает качественной определённой.

Содержание вины – совокупность психических элементов, в

⁵⁷ Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. – Спб.: Питер, 2005. – С. 182.

⁵⁸

Якушин В.А., Каштанов К.Ф. Вина как основа субъективного вменения/ В.А. Якушин, Средневолжский научный центр 1997 // Сайт зачётка.рф [Электронный ресурс] – Электронный документ. – Электр. дан. - Заглавие с экрана. USD: [http://зачётка.рф/book/4524/196620/\\$3.%20Объем%20и%20степень%20вины%20при%20субъективном%20вменении.html](http://зачётка.рф/book/4524/196620/$3.%20Объем%20и%20степень%20вины%20при%20субъективном%20вменении.html)

которых отражаются (или могут отражаться) объективные признаки преступления и которые выражают определённое отношение к этим признакам. Содержание вины богаче и разнообразнее формы вины, отражающей лишь отдельные, наиболее часто встречающиеся её признаки, которые удобны для правоприменителя и могут быть наложены на любое преступление с соответствующим видом формы вины. В силу принципа правовой экономии в определении видов форм вины содержится лишь минимум признаков, поскольку перечисленные в ст.ст. 25-26 признаки не всегда значимы для квалификации преступления или же обладают таким разнообразием, что в тексте закона невозможно учесть все возможные варианты.

1.6 К о м п о н е н т ы в и н ы

Дагель, так же как и Якушин (см. выше) видит в соответствующем психическом отношении интеллектуальный, волевой и чувственный компоненты, причем подчёркивается их неразрывная связь.

1.6.1 Интеллектуальный момент

Дагель определяет интеллектуальный компонент как сознание наряду с мышлением⁵⁹.

По его мнению⁶⁰, основанному на положениях Маркса, сознание лицом общественно опасного характера своего деяния и

⁵⁹ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. С. 45.

⁶⁰ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. С. 45.

предвидение его общественно опасных последствий равным образом характеризуют интеллектуальную сторону психического отношения субъекта при совершении умышленного преступления.

Лицо осознаёт не только фактические признаки совершаемого и его последствий, но и социальный смысл. Осознание различно по степени его определённости (от точного знания, уверенности до возможности, вероятности, неисключенности) и достоверности (от верного до ошибочного)⁶¹. Сознание по этим параметрам различных обстоятельств может быть различным. Возможно также и отсутствие осознания (предвидения), важно, имелась ли у лица возможность осознавать (предвидеть), т.е. конкретная ситуация давала соответствующую информацию и у самого лица не было препятствий к восприятию и осознанию информации. Отсутствие осознания – не «психический нуль», а отражение малой значимости объекта для личности. Соответственно сказанному, отсутствие осознания не исключает вины.

Якушин полагает, что отсутствие интеллектуального психического отношения в период совершения деяния по отношению к этому деянию исключает его вину⁶². Отсюда он полагает, что отсутствие осознания общественной опасности преступления невозможно. В качестве обоснования он указывает на то, что если лицо сознаёт упречность и недозволенность соответствующих действий, то уже в этом проявляется его вина как порицаемая юридическая форма⁶³.

Позиция касательно необходимости наличия

⁶¹ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. С. 46.

⁶² Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. - Тольятти: Издательство ТолПИ, 1996. С. 296 // Сайт REFdb.RU [Электронный ресурс] - Электр. дан. - Заглавие с экрана. URL: <http://refdb.ru/look/1421763-pall.html> (дата обращения 13.05.2016)

⁶³ Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. - Тольятти: Издательство ТолПИ, 1996. С. 296 // Сайт REFdb.RU [Электронный ресурс] - Электр. дан. - Заглавие с экрана. URL: <http://refdb.ru/look/1421763-pall.htm> (дата обращения 13.05.2016)

интеллектуального психического отношения для существования вины и отсутствия вины при отсутствии интеллектуального психического отношения представляется убедительной. Однако вместе с тем, отсутствие осознания психической опасности, по крайней мере конкретной психической опасности, то есть осознания наличия опасности «здесь и сейчас», в именно той ситуации, в тех обстоятельствах, в которых действует, бездействует лицо – это особенность неосторожности. Даже если не соглашаться с Дагелем в том, что только осознание конкретной общественной опасности и есть осознание общественной опасности, что нет никакого осознания общественной опасности «вообще», а значит, принять существование осознания общественной опасности при легкомыслии (когда осознание абстрактно), то остаётся небрежность – там лицо имеет интеллектуальное психическое отношение – не может иметь места, по выражению Дагеля, психический нуль – но определённо нет осознания наличия общественной опасности субъектом.

Следовательно, предлагаемый Якушиным подход имеет ограниченность применения, его нельзя использовать в отношении всех видов умысла.

Снимающий вышеуказанное противоречие аргумент о наличии осознания общественной опасности уже потому, что лицо знает, что действия не дозволены, а значит, упречны, не может быть нами принят. Основываясь на мнении Дагеля о том, что никакой упречной юридической формы – вины – не может быть, поскольку упречно лишь преступление целиком, хотя бы потому что только при полном составе есть основание юридической ответственности – мы не соглашаемся с обоснованием тезиса из начала абзаца.

Имеющиеся данные позволяют констатировать, что среди 15

исследованных приговоров лишь в 6 была обнаружена порицаемость как признак, указанный судьёй в качестве признака осознания общественной опасности деяния.

И, наконец, при вынесении оправдательного приговора лишь в 1 из 10 приговоров принятие решения было продиктовано отсутствием сознания порицаемости в понимании В.А. Якушина. В этом случае, как следует из анализа текста, это было сделано в интересах осуждения более опасного фигуранта, то есть продиктовано не доктриной, а интересами практической деятельности. Это говорит о том, что установление или неустановление осознания упречности поведения не признаётся на практике обязательным признаком вины.

Очевидно, что подход основанный на объявлении вины «порицаемой юридической формой» подталкивает к необъективным суждениям. Объяснить это можно (и это согласуется с вышеприведённой статистикой) тем, что вина не является порицаемым, порицается преступление в целом, а не отдельные его составляющие. Обратное приводило бы к объективному вменению, когда порицается объективная сторона, или дискриминации, когда порицается субъект, причём просто за то, что он обладает некими признаками. Это есть не что иное как преследование по признакам личности, то есть дискриминация. Это столь же недопустимо как наказание за мыслепреступления, когда лицо отвечает не за поступки, а лишь за неправильные мысли, убеждения, влечения. Вышеприведённые логические продолжения позиции о порицаемости вины служат доказательством от противного. Они обосновывают недопустимость порицания за вину, за субъективную сторону. Мнения о невозможности порицания вины поскольку порицается

всё преступление в целом придерживался, в частности, Дагель⁶⁴.

Следует признать, что вину нельзя считать порицаемой юридической формой, порицается всё преступление в целом, а не отдельные части.

Далее, отсутствие осознания не исключает вины.

1.6.2 В о л е в о й и э м о ц и о н а л ь н ы й м о м е н т

Волевое регулирование поведения – это сознательное направление умственных и физических усилий на достижение цели или удержание от активности⁶⁵. Волевое отношение проявляется в законодательстве через 1) желание наступления, 2) нежелание наступления, но их сознательное допущение либо безразличное отношение, 3) расчёт на предотвращение общественно опасных последствий, также отнесённый Дагелем к моменту волевому, 4) не активизация своих психических сил и способностей для совершения волевых действий, необходимых для предотвращения преступных последствий, при реальной возможности предотвратить преступные последствия совершаемого им деяния.

Таким образом, в форме вины волевой момент определяется только через отношение к последствиям⁶⁶. Казалось бы, при такой формулировке получается, будто при неосторожности, например в виде небрежности, когда нет стремления к общественно-опасным последствиям, тогда нет и преступного волевого момента – но это не так, поскольку, во-первых, вина не сводится к форме вины (юридической) в том смысле, что не вся она отражается в

⁶⁴ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. С. 42.

⁶⁵ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. С. 46.

⁶⁶ Дагель П.С., Котов Д.П. Субъективная сторона преступления и её установление. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1974. С. 47.

формулировках ст.ст. 25-26 УК РФ, а, во-вторых, деяние всегда носит волевой характер (ведь даже полное отсутствие волевого акта («деликт опущения») показывает определённое волевое отношение). Аналогично и при неосторожности в виде легкомыслия. Поэтому волевое отношение есть и при вине в форме неосторожности. Субъект не направил свои возможности на ненаступление вреда, поскольку не проявил должной активности, которую проявить мог и должен был, а избегание должной активности – есть стремление, но не к некой цели, состоянию, а стремление от активности.

Якушин считает волю определённым психическим напряжением и усилием, опосредующим деяние для удовлетворения какой-либо потребности⁶⁷.

В форме вины волевой момент определяется только через отношение к последствиям.

По мнению Якушина, волевой момент исследован гораздо лучше интеллектуального.

Однако высказываемые современные позиции по данному вопросу говорят о том, что в этой области имеется существенный простор для дискуссии. Так, Складов вовсе предлагает отказаться от волевого момента, поскольку сводит вину к степени выраженности интеллектуального момента⁶⁸. Данная точка зрения всё же основана крайне спорном определении вины, данным под влиянием оценочной концепции. Кроме того, сложно согласиться с ним по поводу того, что неприменение волевого момента при квалификации формальных составов как-то обосновывает его

⁶⁷ Якушин, В.А. Субъективное вменение и его значение в уголовном праве / В.А. Якушин. - Тольятти: Издательство ТолПИ, 1996. С. 296 // Сайт REFdb.RU [Электронный ресурс] - Электр. дан. -Заглавие с экрана. URL: <http://refdb.ru/look/1421763-pall.html>(дата обращения 13.05.2016) (да

⁶⁸ Складов Сергей Валерьевич. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности : автореферат диссертации... доктора юридических наук : 12.00.08 . С. 10.

общую необязательность. Он необязателен лишь при отказе от психологического подхода, при желании утвердить в качестве нормы, а не неправильного феномена практики подход к видам и формам вины лишь как к формализованным степеням. В рамках современной психологической концепции это невозможно. Отказ от волевого момента прямо влечёт тогда к невозможности различить виды форм вины, и сами формы вины друг от друга. Сама вина не может существовать только лишь в виде интеллектуального момента, хотя бы потому, что мало одного лишь понимание неких явлений для вменения. Необходимо какое-то соотнесение с собственными потребностями для осуществления поведенческого акта. Это соотнесение и заключается в волевом моменте, невозможно противопоставить свои потребности общественным без своего волевого акта, иначе это будет лишь позиция созерцателя, «внутренне противопоставляющегося». В действительности, привлечение к уголовной ответственности такого созерцателя есть вариация объективного вменения — осознавал, что опасность от деяния есть, сделал, значит, вина есть. Это недопустимый с точки зрения принципа вины подход, выхолащивающий субъективное вменение. Форма вины есть и без того чрезвычайно минимализированный набор признаков, а попытки уменьшить его являются проявлением попыток оптимизировать и без того невеликие усилия органов власти, затрачиваемые на обоснование вины.

Эмоциональный момент Якушин учитывает в рамках субъективной стороны, но не включает в вину⁶⁹.

Дагель же включает эмоции в состав вины. Эмоции проявляются как эмоциональные реакции, состояния и выраженная

⁶⁹ Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.С. Комиссарова. – Спб.: Питер, 2005. – С...196.

избирательность отношения к объектам, являются мотивом преступления, фоном протекания интеллектуальных и волевых процессов, а в некоторых случаях порождают преступление в качестве аффекта.

Эмоции следует включать в состав вины в силу того, что вина совпадает по объёму с субъективной стороной состава преступления.

1.7 В ы в о д ы о п о г л а в е 1

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

Состав преступления - это структурированное по четырём подсистемам ядро (основа, сущность) преступления, состоящее из обязательных элементов, образующих общественную опасность деяния, признаки которых обрисованы в диспозициях уголовно-правовых норм Общей и Особенной частей УК.

Субъективная сторона состава преступления тождественна вине.

Существуют несколько подходов к вине, из которых наиболее отвечающим требованиям принципа вины является психологический. Подход опасного состояния на данный момент чрезмерно сложно для судьи. Существуют позиции в рамках данного подхода, сохраняющие центр тяжести на психических явлениях лица относительно объективных признаков преступления. Оценочный подход в целом основан на отождествлении вины и виновности в силу большого функционального значения вины при квалификации.

Вина есть психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному и уголовно-противоправному деянию,

выраженное в определенных законом формах, раскрывающих связь интеллектуальных, волевых и чувственных процессов психики лица с деянием и являющихся в силу этого основанием для субъективного вменения, квалификации содеянного и определения пределов уголовной ответственности.

Психическое отношение - в наиболее абстрактном виде можно представить как психические явления, состоящие в причинно-следственной связи с объективными признаками преступления, а также и сама эта причинно-следственная связь от психических явлений к непосредственным действиям (под которыми здесь понимаются собственно телодвижения) или бездействию. Эта связь воплощается в окончательном виде, достигает завершенности в момент окончания совершения действий или бездействий, составляющих объективные признаки преступления. Она должна сохраняться в памяти преступника в адекватном виде для привлечения его к уголовной ответственности.

Виновность – это установленное вступившим в законную силу правоприменительным актом психическое отношение деликтоспособного физического лица или лица, уполномоченного на совершение юридически значимых действий от имени и в интересах юридического лица к совершаемому им общественно-вредному деянию и его последствиям, которому, с учетом всех обстоятельств совершения деяния, дана отрицательная оценка со стороны государства. Её необходимо отличать от вины, дабы избежать ошибок, связанных с оценочным подходом к вине.

Выделяют интеллектуальный, волевой и эмоциональный компоненты вины, неразрывно между собой связанные.

Интеллектуальный компонент - сознание наряду с мышлением

Волевое регулирование поведения – это сознательное направление умственных и физических усилий на достижение цели

или удержание от активности, определённое психическое напряжение и усилие, опосредующее деяние для удовлетворения какой-либо потребности.

Эмоции проявляются как, во-первых, эмоциональные реакции, во-вторых, состояния, и в третьих, выраженная избирательность отношения к объектам, то есть проявляются и как отношения. Эмоции являются мотивом преступления, фоном протекания интеллектуальных и волевых процессов, а в некоторых случаях порождают преступление в качестве аффекта.

Содержание вины – совокупность психических элементов, в которых отражаются (или могут отражаться) объективные признаки преступления и которые выражают определённое отношение к этим признакам.

Форма вины есть указанное законодателем сочетание элементов вины как психического отношения, включающая устойчивые, типичные, повторяющиеся элементы, причем совокупность достаточна и полна для определения поведения как виновного. Форма вины обладает качественной определённостью, не может быть представлена в виде количественной модели (т.е. нельзя говорить о большей или меньшей форме вины).

Сущность вины – психологическая настроенность правонарушителя против существующего правопорядка⁷⁰ в виде отрицательного или пренебрежительного, недостаточно бережного отношения к социальным ценностям.

Степень вины - показывающая проявившиеся в конкретном действии отражательно-отношенческие стороны психики человека и сравнительную их тяжесть в рамках форм вины, ее содержания и объема.

⁷⁰ Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. 1. СПб., 1902. С. 571-577.

ГЛАВА 2. ОПРЕДЕЛЕНИЕ НЕОСТОРОЖНОСТИ КАК ФОРМЫ ВИНЫ

2.1 Основы определения

Как указывает Дагель, неосторожность, выразившаяся в совершении преступления, имеет свои психологические и социально-политические корни⁷¹. Причём психологический механизм неосторожных преступлений и связь этих преступлений с антисоциальными или асоциальными установками личности отличны от умышленных преступлений. Дагель, соглашаясь с Серебряковой В.А. о присущности антиобщественной установки многих совершившим неосторожные преступления лицам, всё же считает связь такого преступления с ней не всегда обнаруживаемой. При этом он указывает как на причину психологические особенности и состояния личности, которые, причём не любые. Он указывает, что, например, невнимательность лица, а равно и прочие присущие ему состояния, коренится в недостаточной значимости этих интересов для виновного. Таким образом, лицо не имеет нормального положительного отношения к интересам общества.

Вместе с тем, Дагель указывает на важное отличие – отсутствие пропорциональности между «злой волей», характером, направленностью умысла с одной стороны и, с другой стороны, тяжестью наступивших последствий. В случае неосторожности незначительная в психологическом отношении невнимательность может повлечь колоссальный преступный вред. Иначе при умысле.

⁷¹ Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и её установление / П. С. Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1974. С. 119.

На совершение неосторожных преступлений влияют различные внешние для психического отношения к совершённому деянию состояния психики – усталость, болезнь, а также психические особенности, как сила воли, устойчивость внимания, время реакции и многие другие.

Вышеуказанные особенности неосторожности определяют особенности ответственности за неосторожные преступления – ненаступление последствий определяют в общем случае исключение ответственности за неосторожное создание опасности причинение вреда. Неосторожное преступление квалифицируется по последствиям, в соответствии со способами и средствами причинения последствий сферой деятельности, где причиняются эти последствия.

Это видно в определениях видов неосторожной формы вины – в самом УК нет определения неосторожности, едва ли сложно согласиться с тем, что перечисление видов неосторожности является её определением.

Согласно ч. 2 и ч. 3 ст.26 УК РФ:

2. Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий.

3. Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия.

Как мы видим, закон определяет неосторожность лишь как отношение лица последствиям своего деяния. Отсюда составы

неосторожных преступлений или преступлений, допускающих и неосторожность как форму вины наряду с умыслом – материальные составы. Неучёт этого момента влечёт нарушение принципа вины.

Далее, необходимо отметить, что согласно ч. 2 ст. 24 УК РФ, неосторожность возможно квалифицировать только в тех случаях, когда в формулировке состава из Особенной части УК РФ имеется прямое указание на неосторожную форму вины в указанном составе. В случае отсутствия такого указания квалификация по неосторожности не соответствует принципу законности.

Дагель отмечает⁷², что в при совершении неосторожных преступлений невозможно приготовление, покушение и соучастие. Это обосновывается в первую очередь положениями статей 30 и 32, прямо указывающих на умышленность совершения соответствующих деяний. В доктрине также предпринимаются попытки доказать невозможность реального существования таких общественно опасных деяний.

2.2 Проблема соучастия в неосторожном преступлении

Соучастие в неосторожном преступлении является предметом давних споров. А.П. Бохан и Н.В. Петрашёва указывают: Мы поддерживаем позицию И.М. Тяжковой: "С теоретической точки зрения институт соучастия в таком случае окажется настолько расплывчатым и аморфным, что установить

⁷² Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и её установление / П. С. Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1974. С. 119.

четкие критерии этого института окажется невозможным. С практической точки зрения повышенная степень общественной опасности совместно умышленно действующих лиц будет нивелироваться приравненными к ней по степени опасности неосторожными действиями". Однако И.М. Тяжкова признает неосторожное соучастие, называя его неосторожным сопричинением, когда утверждает: "Очевидно, что неосторожное сопричинение объединяет то общее, что в совершении одного преступления всегда участвуют несколько лиц, совместными осознанными или неосознанными действиями (бездействием) которых по неосторожности совершается единое преступное деяние". В итоге получается, что И.М. Тяжкова выступает против неосторожного соучастия, но обосновывает неосторожное сопричинение как раз с позиций неосторожного соучастия, а не как некий новый институт.

А.П. Козлов обращает внимание на словосочетание "участие... в совершении преступления" и полагает, что предложенное УК РФ определение соучастия очевидно некорректно в связи с отражением в нем одних и тех же факторов (участие и совершение) под двумя наименованиями. Автор предлагает следующее определение соучастия: "Соучастием признается умышленное совместное совершение преступления несколькими (двумя или более) лицами"; а с учетом возможного неосторожного соучастия термин "умышленное" рекомендуется заменить термином "виновное".

Сторонники противоположной точки зрения, в частности М.И. Ковалев, высказываясь против возможного соучастия в неосторожных преступлениях, отмечали, что неосторожное соучастие в преступлении не имеет практического значения, но представляет собой опасность необоснованного расширения круга

лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Действительно, солидарная ответственность соучастников, в силу которой каждый отвечает не только за себя, но и за деятельность всех остальных, предполагает, что каждый из совместно участвующих в преступлении вносит свой личный вклад в преступление. При этом данный вклад не предусмотрен в качестве самостоятельного преступления ни в одном из составов Особенной части УК РФ, тогда как совокупность элементов влечет за собой условие наступления преступного результата в его конкретном виде. Если совершенная лицом деятельность не охватывается конкретным составом Особенной части УК РФ, по правилам квалификации его невозможно привлечь к уголовной ответственности, если, конечно, речь не идет о соучастии. В случае соучастия в неосторожном преступлении мы имеем дело с индивидуально действующими нарушителями, на каждом из которых лежит персональная обязанность предпринять меры по недопущению общественно опасных последствий. Поэтому специальные правила о квалификации деяний "неосторожных сопричинителей" не нужны⁷³.

Напротив, Гринберг указывает, что видеть причины подобных [перечисленным выше] аварий в поведении одного лица – это значит игнорировать факт коллективного управления современной техникой, не проследивать весь ряд явлений, находящихся в причинной связи с вредным последствием, игнорируя то, что «причина причины есть тоже причина»⁷⁴.

⁷³ Соучастие в неосторожном преступлении: миф или реальность? (А.П. Бохан, Н.В. Петрашева, журнал "Lex Russica", N 5, май 2016 г.) – [Эл. источник] – URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=6246>

⁷⁴ Гринберг М.С. Понятие и виды соучастия в неосторожном преступлении // Вестник Омского ун-та. Серия "Право". 2008. N 2. .) – [Эл. источник] – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-souchastiya-v-neostorozhnom->

Налицо проявление противоречия этих позиций. Гринберг указывает, что проблематичность обоснования ответственности с доктринальной стороны с учётом большой общественной опасности соответствующих преступлений и явной несправедливости вменения в вину 1 лица просчётов нескольких лиц – вызывает лишь ещё большую актуальность изучения вопроса, но никак не обосновывают невозможность такой ответственности, исходя из основ уголовного права. Гринберг признаёт сложившееся выделение неосторожного сопричинения (когда деяний лиц напрямую порождают преступный вред) и прочих «форм» неосторожного соучастия (не связанных непосредственно с преступным результатом, но создающие к его наступлению условия). Однако Гринберг избегает непосредственного логического обоснования неосторожного соучастия, ограничиваясь подчёркиванием актуальности и выступая с общенравственных позиций, также теоретизируя от противного – выказывается о недопустимости существующего порядка вменения в вину отдельно.

Таким образом, имеется проблема – наличие реально существующих ситуаций, когда группы лиц действовали совместно и согласованно, Предполагается, что они одинаково относились к последствиям и исходили в своём поведении из знания об одинаковости собственного и других членов группы отношения к последствиям. Можно ли в этой ситуации квалифицировать неосторожное соучастие в какой-либо форме?

При попытке утвердить существование неосторожного соучастия возражением является то, что 1) соучастниками являются многие лица, чей ряд оказывается «неудобно большим», 2) эти лица не согласовывают своё поведение, 3) в чём смысл

новации, ведь совершение преступления в соучастии в нынешнем определении позволяет создавать соответствие между большей общественной опасностью преступлений в соучастии и ответственностью за них в отличие от предлагаемого института.

Чрезмерное расширение круга лиц не может считаться достаточным контрагументом, как не является таковым при обычном, т.е. умышленном соучастии. Здоровое зерно этого контрагумента состоит в том, что причинно-следственная связь во многих случаях коллективного неосторожного поведения, влекущего общественно-опасное последствие, может быть неочевидной не только для самых действующих лиц (это не освобождало бы от ответственности), но и для среднего человека – можем ли мы в таком случае их порицать, винить? По-видимому, в такой обстановке нет, но в обратном случае да, можем.

В случае наличия требований к лицу больших, чем к среднему человеку, например, в случае причинения смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего выполнения своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ), наши возможности по порицанию повышаются по аналогии с предыдущим абзацем до средних требований к лицу соответствующей компетенции, за исключением случаев, когда лицо законно взяло на себя повышенную ответственность. Это связано с тем, что лицо, имеющее более высокую компетенцию, соответственно, предполагается более сведущим, на него возлагается более высокая ответственность в смысле положительной личностной характеристики, а отсюда и более высокую ответственность как негативные последствия. Это справедливо и логично, поскольку от деяний в более сложной, опасной, важной для общества сфере для общества же могут быть

вызваны большие последствия – а общество, в свою очередь, «взыскивает» возникшие «издержки» с причинителя.

Таким образом, неочевидность причинно-следственной связи для задействованных лиц даже при более высоком уровне требований, чем к требованиям к среднему человеку, в случаях взятия или наложения большей ответственности в позитивном смысле не может быть контраргументом против введения института неосторожного соучастия.

Далее, имеется контраргумент против неосторожного соучастия – отсутствие согласованности поведения «неосторожных соучастников». Действительно, если лица согласовывают свои действия, то они хотят получить некий результат, который именуется общей целью. Но наличие цели в уголовно-правом смысле автоматически относит их субъективную сторону к умыслу, причём прямому. Это неверное рассуждение – цель может иметь место и за пределами не только прямого умысла, но и умысла вообще. Другое дело, что эта цель не оценивается законодателем негативно, а потому и не является квалифицирующим признаком. Тем не менее, нет причин считать, что невозможное согласование действий для достижения законной цели в психологическом смысле. На практике часто встречаются ситуации, когда имеется согласование действий для достижения общей цели, когда эти действия неосторожно приводят к мысленно исключаемому вредному последствию. Типичный пример, обсуждаемый Шаргородским и Тер-Акоповым⁷⁵ : А, Б, В и Г, сбрасывая с крыши лист фанеры, не убедившись, что внизу никого нет, причиняют смерть Д. Эти лица будут привлечены к уголовной ответственности как исполнители неосторожного причинения

⁷⁵ Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. - М. : Юркнига, 2003. С. 138

смерти, а если бы они действовали по договоренности, то уголовная ответственность наступала бы за убийство.

Лица в указанном примере совместно совершают некую деятельность, помогая друг другу для достижения нужного им всем результата. Притом, что их цель ни в коей мере не имела уголовной направленности, все они при совершении деяния пренебрегли требованиями безопасности. Предполагается, что «одна голова хорошо, а две лучше» - самонадеянность, неконкретность представления о возможных последствиях, недостаточная внимательность и предусмотрительность одного лица скомпенсируется положительными качествами другого лица, коллектива в целом. О чём говорит положение, когда этого не происходит?

Если речь идет о неосторожности в виде легкомыслия, то проявление в ходе согласования деятельности самонадеянного расчёта, не купированного другими лица, вызывает 2 возможных варианта – 1) перекладывание ответственности на самонадеянное лицо (самонадеянную уверенность, что это другое лицо наверняка предотвратит последствие или же хотя бы с этим лицом оно будет предотвращено, хотя оснований для отличия ситуации от обычной (т.е. когда надеяться на такое предотвращение нельзя) не было) или 2) общую самонадеянность группы, чья групповая солидарность имеет кумулятивный эффект, т.е. проявляется сильнее⁷⁶. Самонадеянность группы может проявляться в объективно необоснованном и с точки зрения среднего уровня предвидения для данной сферы общественных отношений также не имеющем достаточных оснований расчёте на то, что как группа они сильнее тех обстоятельств, которые вызывают общественно опасное последствие и которые они надеются предотвратить.

⁷⁶ Здесь про эффект – все пошли и я пошёл, масса, толпа, я и другие и тд.

Наличие кумулятивного эффекта солидарной самонадеянности однозначно повышает общественную опасность – ведь группа имеет большие возможности, чем отдельное лицо. Мысленное перекалывание ответственности (в форме неосторожности, а не умысла, то есть при исключении возможности конкретного общественно-опасного последствия) – часто именуемое коллективной безответственностью – также относится к групповым эффектам, общественная опасность также выше.

Аналогично вышесказанному протекают процессы при групповой небрежности.

По нашему мнению, неосторожное соучастие как минимум в форме сопричинения имеет место.

Может ли оно существовать в иной форме – как подстрекательство, пособничество, организация?

Подстрекательство здесь будет в виде утверждения, что ничего плохого не случится, что всегда так делали, путём уговоров. Применение иных способов может и должно менять отношение исполнителя – если готовы платить, то дело нечистое. Существенно важным отличием от подстрекательства при соучастии по определению статьи 32 УК РФ, будет то, что лицо формировало самоуверенность на предотвращение. При этом у самого подстрекателя отношение к последствиям также будет неосторожным. В описанных обстоятельствах при умысле на причинение вреда у подстрекателя акцессорная теория соучастия не будет соответствовать принципу справедливости и принципу вины. Аналогичное требование будет и к организатору с пособником. Тот момент, что деятельность таких соучастников целенаправленна – не является логическим препятствием, поскольку цель в неосторожных преступлениях некриминальна и

не имеет квалифицирующего значения. Однако с психологической стороны она есть. Организатор, подстрекатель, пособник выделены по функциональным признакам в социальной группе, которая оценена законодателем как уголовно-преследуемая и главное здесь – выполнение их функций в группе, включённость цели в квалифицирующие признаки не относится к обязательным признакам группы лиц, совершающих групповое преступление.

Таким образом, обоснованность отсутствия в уголовном законе положений о неосторожном соучастии представляется недоказанной.

2.3 Неоконченное неосторожное преступление. Неосторожность и объективная сторона.

Неоконченное неосторожное преступление невозможно, поскольку для неосторожного деяния характерно определение через отношение к последствиям, которые не наступают при неоконченном преступлении. Таким образом, оно логически невозможно.

Неосторожность и объективная сторона имеют следующее закономерное соотношение – поскольку, как уже было сказано, неосторожная форма вины определяется через недостаточно бережное психическое отношение к последствиям, которое описывает сущность неосторожной формы вины, то неосторожное преступление возможна лишь там, где преступный вред является квалифицирующим признаком – в материальных составах. Действительно, если для квалификации деяния как преступления наступление последствий необязательно, то и отношение к

последствиям не будет иметь значения. Тогда сущностный признак неосторожности не выполняется при попытке провести квалификацию.

Однако это не значит, что психические явления, соответствующие неосторожности, не могут иметь места. И необоснованное мысленное исключение возможности причинения вреда своими действиями при их действительном наступлении вполне реально, отсутствие такового есть полезная юридическая фикция.

2.4 Сущностные признаки неосторожной формы вины в целом.

Дагель указывает ряд общих признаков и легкомыслия и неосторожности.

А) Единые психологические и социальные корни, порождённость общими психологическими чертами личности: недостаточная осмотрительность, внимательность, заботливости об общественных интересах.

Б) Отсутствие у лица сознания общественно-опасного характера своего деяния. Однако при любом виде неосторожности у лица есть обязанность сознавать общественную опасность своего поступка и возможность такого осознания при более осмотрительном и внимательном подходе.

В) наличие 2 критериев неосторожности и для небрежности, и для легкомыслия. Объективный критерий заключается в обязанности лица : 1) предвидеть возможные общественно-опасные последствия своего деяния (при небрежности); 2) предвидеть неосновательность своего расчёта на предотвращение возможных общественно-опасных последствий. Нормативный

характер объективного критерия состоит в том, что лицо должно осознавать, что существующие правила предосторожности являются обоснованными. Долг этот, в свою очередь, основан на значимости коллективного опыта общества, который и позволяет существовать лицу. В том числе за счёт всеобщего соблюдения предосторожностей, которые были выстраданы в предшествовавший установлению правила период. Субъективный критерий заключается в возможности лица сознавать и предвидеть перечисленные выше обстоятельства. Лишь при его наличии можно говорить о наличии зависимости общественно опасного деяния от личности субъекта и, следовательно, обосновывать ответственность личности.

Примером проявления психологических корней неосторожности можно считать следующий случай из практики судов Новосибирской области: отец маленького ребёнка (Пазылов) не позаботился о запорных устройствах на окнах, притом, что его сын отличался чрезмерной непоседливостью. Далее, не позаботился и о должном присмотре и контроле за сыном во время его дневных игр, предпочитая пребывать в алкогольном опьянении. В результате сын открыл окно и выпал, разбившись (ч. 2 ст. 109 УК РФ)⁷⁷.

⁷⁷ Приговор Октябрьского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области по делу № <не определено> от <не определено> года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Суд-практика». URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/454971.html>

2.5 Значение специфических черт, отграничивающих легкомыслие и небрежность.

Их значение велико – в силу того, что устанавливается не вообще неосторожность, а либо легкомыслие, либо небрежность. Соответственно, в практических ситуациях бывает полезно помнить специфические, а потому более конкретные, а значит, простые установления отграничения неосторожности от умысла и от казуса.

Дагель указывает, что по тяжести, по степени общественной опасности неверно различать между собой виды неосторожности. Психосоциальные корни у них едины. В конкретной ситуации по общественной опасности различаются преступления в целом, поэтому имеет значение не само по себе субъективное состояние, а то, как повлияет наличие некоторого субъективного состояния на конечный результат. Более подробное разграничение дано в последующих главах.

2.6 Отграничение неосторожности от двойной формы вины

Поскольку в данной главе нам необходимо обозначить общие моменты неосторожности, а в частности, её общие отграничения и соотношения с иными вариантами существования субъективной стороны состава преступления, то нельзя обойти вопрос соотношения неосторожности и двойной формы вины. Легальное определение двойной формы вины даётся в ст. 29 УК РФ «Ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины»: Если в результате совершения умышленного

преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно.

Необходимо рассмотреть отграничение неосторожности от двойной формы вины. Осуществляться это будет путём, во-первых, через ответ на некоторые вопросы об их соотношении, во-вторых, через сопоставления по ряду аспектов. Среди них вопрос о возможности включения одного понятия в другое, вопрос о существовании самостоятельного понятия двойной формы вины, а не лишь суммы иных и другие.

Как отмечает П.С. Дагель⁷⁸, двойная форма вины (называемая им в соответствии с традициями того времени смешанной формой вины) не укладывается полностью в умысел и небрежность, обладает качественной определённой. Таким образом, нельзя рассматривать двойную форму вины как поглощающую неосторожную форму вины.

Далее, на примере ч. 4. ст. 111 УК РФ видно, что преступление это не может быть охарактеризовано как просто умышленное (пусть и есть указание закона считать преступления с двойной формой вины совершёнными умышленно в целом), ведь последствия причиняются неосторожно, но и не может считаться неосторожным, поскольку само деяние умышленно осуществлено (а не только в силу указания закона). Если бы имело место

⁷⁸ Дагель, с.164.

совпадение умышленного и неумышленного отношения к деянию и последствию или же неосторожного и неосторожного отношения к тем же признакам объективной стороны, то имели бы место умышленное убийство и неосторожное причинение смерти соответственно. Таким образом, подобные преступления реально несводимы в силу содержательных отличий к умышленной или неосторожной формам вины.

Той же позиции придерживается Пленум Верховного суда⁷⁹ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)" в п. 3. Необходимо отграничивать убийство от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, имея в виду, что при убийстве умысел виновного направлен на лишение потерпевшего жизни, а при совершении преступления, предусмотренного **ч.4 ст.111** УК РФ, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности.

Мы видим последовательное воплощение этой позиции и в других Постановлениях Пленума Верховного суда. Согласно п. 15. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения"⁸⁰

«В тех случаях, когда лицо, управлявшее транспортным

⁷⁹ Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)" / - [Электронный ресурс] - // Справочно-правовая система «Гарант» URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/>

⁸⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения" / - [Электронный ресурс] - // Справочно- правовая система «Гарант» URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1689227/>

средством, умышленно использовало его в целях причинения вреда здоровью потерпевшего либо причинения ему смерти, содеянное влечет уголовную ответственность по статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации о преступлениях против жизни и здоровья».

И также в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. N 14 "О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем"⁸¹:

Если при уничтожении или повреждении чужого имущества путем поджога или иным общеопасным способом виновный предвидел и желал либо не желал, но сознательно допускал наступление таких последствий своего деяния, как смерть человека либо причинение вреда здоровью потерпевшего, содеянное представляет собой совокупность преступлений, предусмотренных частью второй статьи 167 УК РФ и, в зависимости от умысла и наступивших последствий, - пунктом "е" части второй статьи 105 или пунктом "в" части второй статьи 111 либо статьями 112, 115 УК РФ.

В то же время, не получится рассматривать это преступление как лишь совокупность, сумму двух различных преступлений – убийства и причинения смерти по неосторожности. Формальным возражением является наличие самостоятельного состава. И материально существуют неразрывные преступления, связанные объективно, а следовательно, им соответствует определённая связанная субъективная сторона. Значит, недопустимо рассматривать

⁸¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. N 14 "О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем" / -[Электронный ресурс] - // Справочно- правовая система «Гарант»
URL:<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12027120/>

субъективную сторону преступлений с двойной формой вины как простую совокупность, сумму умышленной и неосторожной формы вины.

При двойной форме вины отношение субъекта к интересам общества, нарушаемым преступлением, содержит черты, общие и с умыслом и с неосторожностью: сознательно совершая общественно опасное деяние, сознавая его общественную опасность, субъект прямо противопоставляет свое поведение интересам социалистического общества; в то же время к тем общественным интересам, которые непосредственно нарушаются последствиями его деяния, субъект проявляет недостаточно внимательное отношение. Это также проявление промежуточного положения двойной формы вины, её несводимости к умыслу и неосторожности⁸².

В связи с такой характеристикой двойной формы вины возникает вопрос об её отличии от преступной самонадеянности. В преступной самонадеянности, как и в других формах вины, можно и нужно выделять отношение к деянию и отношение к последствию. Значит ли это, что все формы вины имеют «двойной» характер, а двойная форма вины лишается права на самостоятельное существование? Такой вывод был бы ошибочным. От самонадеянности двойная форма вины отличается сознанием субъекта общественно опасного характера своего деяния. В случае если бы составы со двойной формой вины были бы построены как формальные, то этого сознания было бы достаточно для признания преступления умышленным. Но поскольку данные составы включают преступное последствие,

⁸² Дагель, с. 170.

отношение к кривым будет неосторожным, преступление в целом характеризуется двойной формой вины.

В литературе был высказан взгляд, что «удвоение» форм вины возможно также в пределах умысла и неосторожности. К примеру, двойной характер форм вины при неосторожности может выразиться в том, что в отношении действия или бездействия будет констатирована самонадеянность, а в отношении результата — небрежность. По причинам, излагавшимся выше, эта точка зрения вызывает возражение. Следует различать неоднородность психического отношения, при которой оно выходит за рамки только умысла или только неосторожности, и неоднородность психического отношения в рамках умысла и неосторожности. В первом случае имеет место двойная форма вины, во втором — все преступление охватывается умышленной или неосторожной формой вины и сама постановка вопроса о двойной форме вины лишена смысла.

Стечение нескольких видов умысла или неосторожности в одном деянии возможно, если этим деянием причиняется не одно, а несколько различных, предусмотренных составом преступных последствий. При умысле субъект может одно из данных последствий желать, а другое — исключительно сознательно допускать; при неосторожности может одно из последствий рассчитывать предотвратить, а другое — вообще не предвидеть. В этом случае, действительно происходит «смешение» прямого и косвенного умысла, самонадеянности и небрежности. Но это «смешение», неоднородность психического отношения, остается в

рамках умысла или неосторожности и не образует двойной формы вины⁸³.

2.7 Выводы по определению неосторожности как формы вины

Лицо при неосторожности не имеет нормального положительного отношения к интересам общества. Психологическое значение этих интересов ниже, чем следует, что и является причиной неосторожного поведения.

Вместе с тем, Дагель указывает на важное отличие неосторожности от умысла – отсутствие пропорциональности между «злой волей», характером, направленностью умысла с одной стороны и, с другой стороны, тяжестью наступивших последствий.

Подчеркнём, что нет оснований не допускать существование неосторожного соучастия, оно допустимо как в форме сопричинения, так и в форме.

Неоконченные неосторожные преступления логически невозможны.

Неосторожная форма вины может иметь место только в материальных составах.

Общие признаки и легкомыслия и неосторожности.

А) Единые психологические и социальные корни, порождённость общими психологическими чертами личности: недостаточная осмотрительность, внимательность, заботливости об общественных интересах.

⁸³ Дагель, с. 172.

Б) Отсутствие у лица сознания общественно-опасного характера своего деяния. Однако при любом виде неосторожности у лица есть обязанность сознавать общественную опасность своего поступка и возможность такого осознания при более осмотрительном и внимательном подходе.

Различия видов неосторожности имеют качественный, а не количественный характер, их неверно соотносить по степени тяжести.

ГЛАВА 3. ЛЕГКОМЫСЛИЕ

3.1 Основы определения.

Дагель полагает, что есть возможность в определении легкомыслия, называемого им самонадеянностью в соответствии с терминологией 1970-х годов, наряду с обычным для неосторожности отношением к последствию учесть в дефиниции формы вины отношение и к действию/бездействию.

В частности, он считает, что легкомыслие имеет следующую совокупность признаков:

- 1) Осознание фактических признаков преступного действия или бездействия и имело возможность и обязанность сознавать его общественно опасный характер.
- 2) Предвидение возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия.
- 3) Расчёт на предотвращение этих последствий.
- 4) Расчёт имел легкомысленный, или, в современной терминологии, самонадеянный характер, отчего и наступили последствия.

Предметное содержание легкомыслия составляют факты объективной действительности, что отражаются в сознании виновного.

Имеет важное значение следующее замечание Плехана Сергеевича:

В легкомысленном поведении, как сознательном, имеется волевая направленность, мотив и цель. Вместе с тем, направленность, мотив и цель не охватывают общественно-опасного последствия в силу уверенности субъекта в том, что последствие не наступит. В ряде случаев целью субъекта (по

замечанию автора настоящей работы, одной из целей) является предотвращение вредных последствий, а одним из мотивов – ненаступление последствий⁸⁴.

3.2 Сознёт ли субъект общественно-опасный характер своего действия-бездействия при легкомыслии?

Плехан Сергеевич совершенно справедливо указывает, что тому есть несколько контрагументов⁸⁵.

Казалось бы, почему нет? Субъект, как мы указали ранее, сознаёт фактические признаки своего действия или бездействия, причём как минимум в той мере, что позволяет предвидеть хотя бы абстрактную возможность наступления общественно-опасного последствия. Лицо предвидит определённую опасность, что создаётся его действиями.

Мы должны вспомнить, что есть сознание общественной опасности деяния – это сознание, что деяние причиняет вред обществу, причём это сознание определённого характера вреда, причиняемого общественным интересам (в отграничиваемом от легкомыслия косвенном умысле это те общественно-опасные последствия, что лицо не исключает – желает или сознательно допускает).

⁸⁴ Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и её установление / П. С. Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1974. С. 129.

⁸⁵ Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и её установление / П. С. Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1974. С. 129.

Когда же лицо уверено в предотвращении опасных последствий, субъект уверен и в том, что его деяние не причинит вреда обществу, т.е. не признаёт его общественно-опасный характер. Более того, лицо может считать деяние общественно полезным⁸⁶.

Предвидение возможности наступления общественно опасных последствий может иметь место и при совершении правомерных действий, например, при обоснованном риске. Здесь предвидение возможности наступления вредных последствий позволяет осуществить их недопущение. То есть само по себе предвидение не является порицаемым. Порицаемым, или, как это называет Дагель, «моментом вины», является самонадеянный характер расчёта на предотвращение, даже не сам расчёт. Будь порицаемым предвидение, различие легкомыслия и умысла ускользало бы.

Противоречие заключается в том, что при наличии легкомысленного характера расчёта на предотвращение, у лица есть и возможность, и обязанность сознавать общественно-опасный характер своего деяния. Отсутствие субъективного или объективного критериев делает невозможным легкомыслие.

3.3 Предвидение последствий.

Отличием от небрежности является как раз таки предвидение как фактических признаков, так и общественно-опасного характера своих действий/бездействия. Такого не может

⁸⁶ Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и её установление / П. С. Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1974. С. 130.

быть без предвидения причинной связи, поскольку иначе становится невозможным расчёт на предотвращение. Абстрактность предвидения может быть большой, но достаточной, чтобы у лица сформировалось понимание, что без расчёта на предотвращение исход будет неблагоприятен. Субъект в своём сознании отражает пересечение двух причинно-следственных рядов: источником первого является его деяние. Источником второго – те обстоятельства, на которых основывается его расчёт на предотвращение. Их взаимодействие, по мнению субъекта, должно повлечь ненаступление результата. Ошибка в представлении о 2 причинно-следственном ряде и является характерной чертой легкомыслия. Иначе с умыслом, поскольку там значим только 1 причинно-следственный ряд, соответствующий первому ряду в легкомыслии, ошибка в нём исключает постановку в вину лицу реально наступивших последствий.

Главное отличие от умысла, по распространённому в доктрине взгляду – абстрактность предвидения при легкомыслии, причем по разным точкам зрения абстрактный характер у самого предвидения, другие – о предвидении лишь абстрактной возможности наступления последствия, иные – о предвидении последствий лишь в абстрактной, общей форме. Отмечают, что хотя вообще исходное действие из 1 причинного ряда согласно сознанию субъекта вызывает общественно опасное последствие, но в данном случае субъект мысленно не допускает наступления их наступления. А.А. Пионтковский пишет, что предвидение при самонадеянности лишено «той конкретной определённости, какой обладает предвидение при косвенном умысле». Дагель не соглашается с этим, ведь расчёт на предотвращение последствий не изменяет характера предвидения. Напротив, лицо потому и рассчитывает на определённые обстоятельства, что предотвратят в

его воображении последствия, что предвидит реальную возможность их наступления. Нельзя также смешивать интеллектуальную сторону психического отношения (предвидение последствий) и его волевую сторону (допущение или недопущение их). Лицо предвидит не вообще какие-то последствия, а те, что охватываются составом.

Поскольку ч. 1 ст. 26 УК РФ упоминает именно о последствиях своих действий, то нет и речи о каких-то «последствиях вообще». Это было бы нелепо, поскольку делало бы легкомыслием большую часть видов деятельности. Так, врачебное вмешательство всегда имеет риск неудачного исхода.

Кроме того, имеется законодательная грань между легкомыслием и небрежностью, но при согласии с тезисом об абстрактном предвидении можно прийти к выводу об отсутствии такой разницы – ведь и при небрежности есть при ряде обстоятельств абстрактное сознание опасности того или иного нарушения правил предосторожности, однако в конкретной обстановке виновные не предвидят таких последствий. Поэтому, как утверждает Дагель, абстрактное предвидение – это вообще не предвидение в смысле данной проблематики.

Следует различать вопросы абстрактности/конкретности предвидения и определённости предвидения. Умысел может быть неопределённым, но он обладает конкретным характером предвидения. При легкомыслии лицо может и не осознавать. Кому конкретно будет причинён вред, что может объясняться мыслью о бессмысленности поисков возможного пострадавшего в силу того, что «всё равно будет предотвращено». Тем не менее. При обстоятельствах, когда не может быть непонятно, кто пострадает, предвидение соответственно будет определённым.

Предвидение легкомысленное отличается от умышленного

следующим:

1) При самонадеянности субъект предвидит лишь возможность, но не неизбежность наступления последствия, поскольку при предвидении неизбежности не может быть расчёта на предотвращение.

2) При самонадеянности предвидение возможности наступления последствия сопровождается и нейтрализуется предвидением его предотвращения (ложным).

3.4 Р а с ч ё т л и ц а.

Это важнейший признак легкомыслия, отделяющий его от умысла. Субъект рассчитывает не на авось, не на случайное стечение обстоятельств, а на конкретные обстоятельства. Эти обстоятельства, по мнению субъекта, должны предотвратить наступление последствий, в расчёте на них субъект действует или бездействует, не допуская наступления последствий.

У расчёта есть интеллектуальная и волевая сторона, отсюда неверно отнесение только к интеллектуальному или только к волевому признаку самонадеянности. Интеллектуальная сторона легкомысленного расчёта: субъект сознаёт (как считает Дагель, как правильно, так и неправильно), что определённые обстоятельства, на которые оно рассчитывает, имеются или будут, и отсюда полагает, что их существование прекратит или изменит развитие причинно-следственной связи, что вызвана его деянием, а тем самым предотвратит наступление общественно опасных последствий.

Волевая сторона: активное желание ненаступления общественно-опасных последствий, в том, что расчёт на их предотвращение является одним из мотивов совершённого лицом деяния. Кроме того, в некоторых случаях недопущение общественно-опасных последствий, которые предвидит субъект, является целью его действий⁸⁷.

Имеются различные обстоятельства, на которые может рассчитывать субъект:

1) Относящиеся к личности и деятельности самого виновного (как это называет Дагель, самонадеянность в узком смысле слова). Это уверенность лица в своих навыках, способностях, умениях, опыте, прочих качествах и т.п., которые по его мнению, позволят ему избежать причинения последствия. Подчас при самонадеянности субъект предпринимает специальные действия, направленные на предотвращение вредных последствий, и рассчитывает, что они окажутся достаточными для их предотвращения.

2) Субъект может иметь расчёт на обстоятельства, относящиеся к обстановке, в которой он совершает свои опасные деяния.

3) Расчёт лица может основываться на обстоятельствах, относящихся к действиям других лиц, например, потерпевшего. Так, водитель рассчитывает, что пешеход успеет перебежать улицу.

4) Надежда на естественные силы природы, Так, костёр должен быть погашен дождём.

5) Надежда на особенности орудий и средств, используемых виновным: на кучность боя ружья и тому подобное.

⁸⁷ В. Г. Макашвили. Уголовная ответственность за неосторожность. М.: Госюриздат, 1957. С. 20.

В результате обобщения судебной практики сформировано наше мнение о наличии тенденции отнесения случаев, когда произошедшее стало осуществимым в результате нарушения неких общих правил предосторожности (например, о недопустимости совместного сна матери и младенца), то правоохранительные органы квалифицируют поведение как легкомысленное. Расчёт здесь, по-видимому, усматривается в уверенности в собственных силах не допустить такого развития событий. В указанных приговорах также в силу легкомысленного расчёта на свои умения, навыки лица полагали, что в критической ситуации угрозы наступления общественно опасных последствий они сориентируются и не позволят свершиться вреду, чего в действительности не происходит и произойти не может.

Примером варианта 1) - легкомысленного расчёта на собственные силы может служить следующий казус:

Водитель Безвенюк А.В., управляя автомобилем марки «Хёндай Туксон» («HYUNDAITUCSON») регистрационный номер <данные изъяты> осуществляя движение по полосе автодороги «Курск-Льгов-Рыльск-гр. с Украиной», предназначенной для встречного движения, со скоростью превышающей установленное ограничение и не позволяющей обеспечивать ему возможности постоянного контроля за движением транспортного средства для выполнения требований Правил, осуществляя обгон автомобиля марки «4732000001006» регистрационный знак <данные изъяты> под управлением водителя ФИО1, на участке автодороги с ограниченной видимостью, не убедившись, что полоса, предназначенная для движения в сторону <адрес> свободна на достаточном для обгона расстоянии и в процессе обгона он не создаст опасности для

движения и помех другим участникам дорожного движения, обнаружив опасность для движения - движущийся во встречном направлении по полосе, предназначенной для движения в сторону <адрес> автомобиль марки «ВА321214» регистрационный знак <данные изъяты> под управлением водителя ФИО2, принял меры к снижению скорости управляемого им автомобиля и возврату автомобиля на полосу автодороги, предназначенной для движения в сторону <адрес>.

Однако, вследствие допущенных ранее им нарушений пунктов 9.1., 10.1., 10.2., 11.1., 11.4. ПДД РФ, и проявленного тем самым, преступного легкомыслия, водитель Безвенюк А.В., управляя автомобилем марки «Хёндай Туксон» («HYUNDAITUCSON») регистрационный номер <данные изъяты>, на участке 64 километра автодороги «<данные изъяты>», в населенном пункте <адрес>, ДД.ММ.ГГГГ, примерно в 08 часов 15 минут, на полосе, предназначенной для движения в направлении <адрес> допустил столкновение передней левой частью управляемого им автомобиля марки «Хёндай Туксон» («HYUNDAITUCSON») регистрационный номер <данные изъяты> с задней правой частью автомобиля марки «4732000001006» регистрационный знак <данные изъяты> под управлением водителя ФИО1 В результате столкновения автомобиль марки «4732000001006» регистрационный знак <данные изъяты> под управлением ФИО1 по независящим от последнего обстоятельствам изменил траекторию движения, а именно с полосы автодороги, предназначенной для движения в направлении <адрес>, выехал на полосу автодороги, предназначенную для движения транспортных средств в направлении <адрес>, в непосредственной близости от автомобиля марки «ВА321214» регистрационный знак <данные

изъяты> под управлением водителя ФИО2, осуществлявшего движение во встречном направлении, вследствие чего на участке 64 километра автодороги «<данные изъяты>», в населенном пункте <адрес>, ДД.ММ.ГГГГ, примерно в 08 часов 15 минут произошло столкновение автомобиля марки «4732000001006» с автомобилем марки «ВА321214» регистрационный знак <данные изъяты> под управлением водителя ФИО2.

В результате данного дорожно-транспортного происшествия водителю автомобиля марки «ВА321214» регистрационный знак <данные изъяты> ФИО2, ДД.ММ.ГГГГ года рождения, и пассажиру автомобиля марки «ВА321214» регистрационный знак <данные изъяты> ФИО3, ДД.ММ.ГГГГ года рождения, были причинены телесные повреждения, повлекшие их смерть⁸⁸.

⁸⁸ Приговор Льговского районного суда Курской области по делу № <не определено> от <не определено> года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL:<https://rospravosudie.com/court-lgovskij-rajonnyj-sud-kurskaya-oblast-s/act-491814096/>

В следующем казусе представлен вариант 2) легкомысленный расчёт на обстановку совершения преступления: ДД.ММ.ГГГГ около 14 часов 10 минут водитель Оспанов Н.У., управляя технически исправным автобусом «авто1», государственный регистрационный знак №, двигался на 145 км автодороги К-08 «Крутиха – Панкрушиха – Хабары – Славгород – граница Республики Казахстан» со стороны <адрес> в сторону <адрес> со скоростью 75 км/ч в условиях светлого времени суток, неограниченной видимости и сухого дорожного покрытия проезжей части. В попутном направлении со скоростью 40 км/ч двигался автомобиль «авто2», государственный регистрационный знак №, под управлением водителя ФИО1 Водитель Оспанов Н.У., проявив преступное легкомыслие, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, но без достаточных на то оснований самонадеянно рассчитывая на их предотвращение, неверно оценил дорожную обстановку и в нарушение требований п. 11.1 Правил дорожного движения Российской Федерации, прежде чем начать обгон, не убедился в том, что полоса движения, на которую он собирается выехать, свободна на достаточном для обгона расстоянии, и в нарушение требований абз. 4 п. 11.2 Правил дорожного движения Российской Федерации выехал на сторону дороги, предназначенную для встречного движения, не подав световой сигнал указателем левого поворота, чем нарушил требования абз. 1 п. 8.1 Правил дорожного движения Российской Федерации. Увидев двигавшийся во встречном направлении автомобиль «авто3», государственный регистрационный знак №, под управлением ФИО6, водитель Оспанов Н.У., понимая, что создает опасность для участников дорожного движения, в нарушение требований п. 10.1 Правил дорожного движения Российской Федерации не применяя

торможения, для возврата на свою полосу движения совершил маневр поворота направо, чем нарушил требования п. 9.10, абз. 1 п. 1.5 Правил дорожного движения Российской Федерации и на 146 км автодороги К-08 «Крутиха – Панкрушиха – Хабары – Славгород – граница Республики Казахстан» допустил столкновение правой передней частью автобуса «авто1» с левой задней частью кузова «авто2». После чего «авто2» съехал в правый относительно своего направления движения кювет, где произошло его опрокидывание, в результате которого водитель ФИО1 получил телесные повреждения в виде сочетанной тупой травмы головы, грудной клетки, правой и левой верхних конечностей, правой нижней конечности, поясничной области, которые в совокупности причинили тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни и состоят в причинной связи со смертью. Смерть водителя ФИО1 наступила от тупой травмы грудной клетки, осложнившейся обильной кровопотерей⁸⁹.

Указанные особенности характерны и для других дел, изученных по выборке «Легкомыслие».

Т.о., лицо может рассчитывать как на положительные, так и на негативные обстоятельства, т. е. как на то, что будут иметь место обстоятельства, которые не допустят наступления результата, так и на то, что не возникнут обстоятельства, которые этот результат могут вызвать. Так, в одном случае субъект может рассчитывать на то, что пойдет дождь и погасит разведенный костер, а в другом случае — на то, что дождя не будет, и оставленные без укрытия товары не испортятся.

В большей части случаев лицо имеет расчёт не на одно

⁸⁹ Приговор районного суда Немецкого национального района Алтайского края по делу № <не определено> от <не определено> года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовой ресурс «Судакт». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/52uavQ9Md4mN/>

обстоятельство, а на их совокупность, которая и имеет за счёт «совпадения множества причин» способность, по его мнению, предотвратить неблагоприятный результат. Расчет субъекта на указанные обстоятельства порождает его уверенность в ненаступлении преступных последствий, и только при её наличии возможно считать, что субъект не допускает их наступления.

Отличие самонадеянности от косвенного умысла, такой видный исследователь, как М.С. Гринберг, видит в том, что «субъект преступной самонадеянности предвидит меньшую, а субъект косвенного умысла — большую вероятность вредного последствия»⁹⁰. Дагель возражает против этого, поскольку отличия неосторожности и косвенного умысла качественные, а не количественные. Учитывая возможность неудачи и продолжая действовать, субъект допускает эту неудачу, т. е. допускает наступление вредного последствия. Разграничение косвенного умысла и самонадеянности по признаку большей или меньшей вероятности последствия может породить только субъективизм в решении вопроса о виновности: кто скажет, какая вероятность обосновывает косвенный умысел, а при какой имеет место самонадеянность?

Примером такого качественного отличия можно считать следующее дело:

Калачев А.М., управляя автомобилем, нарушил Правила дорожного движения Российской Федерации, что привело к причинению по неосторожности тяжкого вреда здоровью Б.Л.О., повлекшего смерть последней.

Преступление совершено при следующих обстоятельствах:

⁹⁰ Гринберг, М. С. Понятие преступной самонадеянности /М. С.Гринберг. //Правоведение. -1962. - № 2. С. 102

ДД.ММ.ГГГГ, в период времени с № часов № минут до 19 часов 30 минут, более точное время следствием не установлено, водитель Калачев А.М., управляя по доверенности технически исправным, принадлежащим К.И.М. автомобилем «<данные изъяты>» регистрационный знак <данные изъяты> регион, находясь в состоянии алкогольного опьянения, двигался в условиях темного времени суток с пассажиром К.В.В. по <адрес> в направлении от <адрес> к <адрес>, со скоростью около 50 км/час.

В пути следования Калачев А.М., в указанное выше время, проявив преступное легкомыслие, предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, но без достаточных на то оснований самонадеянно рассчитывая на их предотвращение, при выполнении маневра влево утратил контроль за движением автомобиля, выехал на сторону проезжей части, предназначенной для движения во встречном направлении, где в районе левого, относительно его движения, края проезжей части <адрес>, напротив опоры ЛЭП №, допустил наезд на идущих в попутном направлении пешеходов К.Е.Ю.. 1996 г.р. и Б.Л.О., <данные изъяты>

В результате дорожно-транспортного происшествия, неосторожными преступными действиями Калачева А.М., пешеходу Б.Л.О. были причинены следующие телесные повреждения:

тупая травма головы - открытая черепно-мозговая травма: линейные переломы затылочной кости слева, левой височной кости с переходом на затылочную кость слева, с переходом переломов на основание черепа в задней и средней черепных ямках слева, оторев (истечение спинно-мозговой жидкости из наружного слухового прохода) слева, очаговые ушибы правых лобной и височной долей

головного мозга, внутримозговая гематома правой лобной доли (клинически), субдуральные (под твердой мозговой оболочкой) гематомы справа (клинически - 55мл. морфологически - 25мл., слева - 20мл). эпидуральная (над твердой мозговой оболочкой) гематома слева (2мл), тотальное субарахноидальное (под мягкой мозговой оболочкой) кровоизлияние, кровоизлияния в мягкие ткани левых височной (1) и затылочной (1) областей головы.

По признаку опасности для жизни вышеуказанные повреждения относятся к причинившим тяжкий вред здоровью телесным повреждениям, стоят в прямой причинной связи с наступлением смерти.

От полученных телесных повреждений пешеход Б.О.Л. скончалась в Бийской ЦГБ ДД.ММ.ГГГГ.⁹¹

Таким образом, неуверенность субъекта в ненаступлении общественно опасных последствий означает их допущение и исключает преступную самонадеянность.

3.5 Легкомысленный характер расчёта лица.

Легкомысленный характер расчёта отграничивает легкомыслие от случая. Лицо переоценивает свои силы или иные обстоятельства, на которые оно рассчитывает, и результат фактически наступает. Лицо допускает неправильную оценку тех

⁹¹ Приговор Бийского районного суда Алтайского края № <не определено> от <не определено> года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-bijskij-rajonnyj-sud-altajskij-kraj-s/act-425395390/>

обстоятельств, которые, по его мнению, должны были предотвратить наступление результата, а фактически оказались неспособны на это.

Действуя самонадеянно, лицо не предвидит неспособности этих обстоятельств предотвратить результат (иначе оно не могло, рассчитывая на них, быть уверенным в предотвращении вреда), но было обязано и могло это предвидеть, если бы проявило должную внимательность и осмотрительность. В этом и заключается «момент вины», порицаемость преступной самонадеянности. Критериям вины субъекта самонадеянности являются, во-первых, объективный критерий — обязанность субъекта предвидеть недостаточность обстоятельств, на которые он рассчитывал, для предотвращения результата, обязанность субъекта соблюдать правила предосторожности, и, во-вторых, субъективный критерий - возможность лица это сознавать.

В большинстве случаев о легкомысленном характере расчета свидетельствует фактическое наступление последствий, несмотря на все мысленные расчёты лица.

Находясь на перекрестке <данные изъяты>, СА, управляя автомобилем <данные изъяты>, включил указатель левого поворота и собирался выполнить маневр поворота налево, на <адрес>, для чего снизил скорость своего движения приблизительно до 5 км/ч и перестроился ближе к середине проезжей части. Перед выполнением маневра поворота налево, СА видел, что во встречном ему направлении движется автомобиль Toyota Celica, однако из за своего состояния алкогольного опьянения пренебрег своей обязанностью уступить ему дорогу, хотя имел возможность это сделать, так как СА двигался с незначительной скоростью, чем грубо нарушил п. 13.12 ПДД РФ, указывающий, что при повороте налево или развороте водитель

безрельсового транспортного средства обязан уступить дорогу транспортным средствам, движущимся по равнозначной дороге со встречного направления прямо или направо. Данными действиями водитель СА проявил преступное легкомыслие, так как предвидел возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, в виде дорожно-транспортного происшествия, а именно столкновения автомобилей, но без достаточных к тому оснований, самонадеянно рассчитывал на предотвращение этих последствий, думая, что успеет завершить маневр поворота налево на <адрес> г. Д, минуя столкновение с автомобилем <данные изъяты>

В результате указанных выше, неосторожных преступных действий в виде легкомыслия допущенных водителем СА, 17 мая 2014 года, около 21 часа 12 минут на перекрестке <данные изъяты> водитель автомобиля <данные изъяты> М, видя, что автомобиль <данные изъяты>, не уступая ему дорогу, передней частью выехал на его полосу западного направления движения и продолжает двигаться в сторону <адрес>, применил экстренное торможение своего автомобиля, после чего в процессе торможения совершил столкновение своей передней левой частью, с передней правой частью автомобиля <данные изъяты>. Место столкновения автомобилей <данные изъяты> и <данные изъяты> расположено в зоне перекрестка проезжей части <адрес> и <адрес> г. Д, условно на полосе западного направления движения, что отражено в заключении эксперта <данные изъяты> от ДД.ММ.ГГГГ⁹².

⁹² Приговор Кызылского городского суда республики Тыва по делу № <не определено> от 26.06.2015 года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-kyzylskij-gorodskoj-sud-respublika-tyva-s/act-494676601/>

Однако субъективный случай вместо легкомыслия будет иметь место, если субъект добросовестно, с полным основанием рассчитывал на какие-либо обстоятельства, не будучи обязан или не имея возможности предвидеть их недостаточность, его расчет не может быть признан легкомысленным.

Это может быть в следующих случаях: а) лицо, предвидя возможные общественно опасные последствия своих действий, принимает все требуемые правилами предосторожности меры для предотвращения этих последствий, однако они все-таки наступают. Это возможно как в силу несовершенства самих правил предосторожности (в результате недостаточности соответствующих научных и технических знаний), так и в силу своеобразия сложившейся ситуации, не соответствующей той, на которую рассчитаны эти правила;

б) это возможно также в случае непредвиденного и непредвидимого вмешательства каких-либо сил, неправомерных действий других лиц и т. д., которые нарушили обоснованный расчет субъекта на предотвращение последствий;

в) субъект, наконец, может обоснованно рассчитывать на действия другого лица, обязанного их совершить и тем самым предупредить общественно опасные последствия. Несовершение этих действий другим лицом и фактическое наступление последствия не превращает обоснованный расчет в легкомысленный, поскольку отсутствует вина.

Во всех этих случаях выявившаяся впоследствии неправильность расчета не может быть поставлена в вину субъекту. Легкомысленным может быть признан такой только расчёт, когда он изначально имеет необоснованный характер.

3.6 Обоснованный риск и легкомыслие.

Согласно статье 41 УК РФ, обоснованный риск имеет ряд признаков:

1) объективно причиняет вред охраняемым уголовным законом интересам;

2) Рисковое деяние осуществляется для достижения общественно полезной цели, которая не могла быть достигнута не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, предприняло достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Первым свойством обоснованного риска является его непротивоположность.

Свойством обоснованного риска является невозможность его установления в случае, если он заведомо был сопряжен с угрозой для жизни многих людей, с угрозой экологической катастрофы или общественного бедствия. Таким образом, имеется сходство с легкомыслием в отношении объективной стороны, но различие в субъективной. Во-первых, Обоснованный риск «искупает» вредные последствия высокой целью. Это разумно, поскольку 1) обратное правило было бы отрицательным стимулом к поступкам на пользу общества. Общественная практика показала большую успешность обществ, открытым инновациям в противоположность тем, в которых предпочитались исключительно проверенные и безопасные способы достижения цели. 2) В случае отсутствия данного различия в легкомыслии оказались бы противоречивые по характеристикам группы, одна из которых не обладала бы сущностью вины. Сущностью вины является отделение (противопоставление, недостаточная бережность) виновным лицом

своего интереса от общественного в пользу первого. Это соответствует существующему пониманию легкомыслия но не характерно для деяний, отграниченных 2 признаком к обоснованному риску – цель у них общественно-полезна, а значит и нет отдаления.

На практике отграничение от вины проводится первоначально по объективным признакам цели – невозможность достижения её нерисковыми средствами на основе известных субъекту средств. В обратном случае предпочтение рискованного средства означает допущение общественно-опасного последствия, т.е. косвенный умысел. Субъективной особенностью цели является допущение общественно-опасного последствия в отличие от легкомыслия, когда лицо субъективно не допускает возможности общественно-опасного последствия.

3.7 В ы в о д ы п о л е г к о м ы с л и ю

Легкомыслие имеет следующую совокупность признаков:

1. Осознание фактических признаков преступного действия или бездействия и имело возможность и обязанность сознавать его общественно опасный характер.
2. Предвидение возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия.
 3. Расчёт на предотвращение этих последствий.
 4. Расчёт имел легкомысленный, или, в современной терминологии, самонадеянный характер, отчего и наступили последствия.

Лицо не сознаёт общественной опасности своего деяния при легкомыслии.

Субъект в своём сознании отражает пересечение двух причинно-следственных рядов: источником первого является его деяние. Источником второго – те обстоятельства, на которых основывается его расчёт на предотвращение. Их взаимодействие, по мнению субъекта, должно повлечь ненаступление результата. Ошибка в представлении о 2 причинно-следственном ряде и является характерной чертой легкомыслия. Иначе с умыслом, поскольку там значим только 1 причинно-следственный ряд, соответствующий первому ряду в легкомыслии, ошибка в нём исключает постановку в вину лицу реально наступивших последствий.

Интеллектуальная сторона легкомыслия: субъект сознаёт (как считает Дагель, как правильно, так и неправильно), что определённые обстоятельства, на которые оно рассчитывает, имеются или будут, и отсюда полагает, что их существование прекратит или изменит развитие причинно-следственной связи, что вызвана его деянием, а тем самым предотвратит наступление общественно опасных последствий.

Волевая сторона: активное желание ненаступления общественно-опасных последствий, в том, что расчёт на их предотвращение является одним из мотивов совершённого лицом деяния. Кроме того, в некоторых случаях недопущение общественно-опасных последствий, которые предвидит субъект, является целью его действий.

Легкомысленным может быть признан такой только расчёт, когда он изначально имеет необоснованный характер.

Критериями вины субъекта самонадеянности являются, во-первых, объективный критерий — обязанность субъекта

предвидеть недостаточность. обстоятельств, на которые он рассчитывал, для предотвращения результата, обязанность субъекта соблюдать правила предосторожности, и, во-вторых, субъективный критерий - возможность лица это сознавать.

Обоснованный риск «искупает» вредные последствия высокой целью, Субъективной особенностью цели является допущение общественно-опасного последствия в отличие от легкомыслия, когда лицо субъективно не допускает возможности общественно-опасного последствия.

ГЛАВА 4. НЕБРЕЖНОСТЬ И ИНЫЕ ВИДЫ НЕОСТОРОЖНОСТИ

4.1 Основы определения небрежности.

Преступление признается совершенным по небрежности, если лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть эти последствия (ч. 3, ст. 26 УК РФ).

Таким образом, в небрежности можно выделить следующие признаки:

1. Непредвидение возможности наступления общественно-опасных последствий.
2. Возможность предвидеть при необходимой внимательности и предусмотрительности.
3. Должествование предвидеть при необходимой внимательности и предусмотрительности.

Дагель полагает, что пробелом является отсутствие в определении небрежности указания на отношение к действию, бездействию лица. Аргументом к тому является необходимость соответствия определению вины. Кроме того, представляет интерес определить это отношение в познавательных целях.

По мнению Дагеля, лицо может относиться к своему деянию и его последствиям:

- 1) Осознание лицом нарушения определённых правил предосторожности. Непредвидение возможности наступления общественно опасных последствий.

2) Деяние носит сознательный и волевой характер, но лицо может не сознавать, что нарушает определённые правила предосторожности;

3) Само деяние субъекта может быть лишено сознательного и волевого контроля, при условии, что лицо могло и должно было не допустить состояния, вызвавшего отсутствие сознательного волевого контроля. Либо же принять меры, чтоб в таком состоянии не допустить нарушения охраняемых законом интересов.

Общим для этого является то, что лицо не сознаёт, но имеет возможность и обязанность сознавать общественно-опасный характер совершаемого деяния. Это отношение к общественной опасности есть отграничение небрежности от косвенного умысла в отношении к деянию.

От легкомыслия же небрежность отличается по отношению к последствию в интеллектуальном моменте – лицо не предвидит развития вообще никакой причинной связи, ведущей к общественно опасному последствию. Лицо может не предвидеть как фактического его наступления, так и его общественно-опасного характера (не путать с юридической ошибкой). Момент вины здесь в том, что лицо не осуществило необходимой внимательности и предусмотрительности, при проявлении которых вреда бы не было.

В ходе врачебного обследования пациента с аппендицитом в силу ненормального анатомического расположения в малом тазу аппендицит диагностирован не был. Вместо этого первоначально его лечили от сальмонеллёза. Это привело к разрыву аппендикса и смерти от последствий перитонита. Вместе с тем, не было учтено, что недопустимо давать обезболивающие больным с подозрением на аппендицит во избежание нарушения диагностической картины, не было подтверждения подозрений на сальмонеллёз, не было проведено исключающих аппендицит и перитонит обследований, в

частности, на аппарате УЗИ, который имелся и по своим техническим возможностям позволял установить аппендицит и при нетипическом положении аппендикса в малом тазу⁹³.

4.2 Предметное содержание небрежности

Предметное содержание небрежности определяется:

1) теми обстоятельствами, которые признавал субъект и сознание которых давало ему возможность предвидеть последствия

2) теми обстоятельствами, соответствующими признаками состава преступления, которые субъект мог и должен был признавать (предвидеть)

Лишь при наличии первой группы могут быть осознаны вторые, образуют предметное содержание небрежности они лишь в совокупности.

Воля лица при небрежности направляется лишь на деяние, которое субъектом не осознаётся как общественно-опасное, а через него – на желаемое, а не реально наступающее последствие.

Преступное последствие не отражается в сознании лица, в мотивации положительной не участвует. Тем не менее, как мы видим, поступок при этом вполне может быть мотивирован и целенаправлен.

Как указывает Дагель⁹⁴, предвидение или непредвидение

⁹³ Приговор Ленинского районного суда г. Кемерово Кемеровской области по делу № <не определено> от 26.06.2017 года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Суд-практика». URL:<http://www.sud-praktika.ru/precedent/440622.html>

⁹⁴ Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и её установление / П. С.

лицом общественно опасных последствий своих действий есть не случайность, не зависящая от личности: они зависят от отношения лица к общественным интересам, которые этим действием могут быть нарушены. При внимательном, заботливом отношении к общественным интересам лицо предусмотрит возможные вредные последствия своих действий и либо их предотвратит, либо откажется от самого действия. При невнимательном, отрицательном отношении к этим интересам оно может не предвидеть последствия и в результате может причинить вред обществу. Неосознание (или неадекватное осознание) действия, отсутствие необходимого внимания обуславливаются тем, что является значимым или незначимым для субъекта, а также избирательной направленностью его личности.

Если субъект имел возможность предвидеть последствия, это означает, что ситуация давала ему достаточную информацию для этого, а по своим личным качествам он мог воспринимать и осознать эту информацию и сделать правильные выводы. При таких условиях непредвидение последствий не есть психический нуль, а есть определенное, пренебрежительное, отношение к этим последствиям. Дагель указывает позицию психолога С.Л. Рубинштейна⁹⁵: «Неосознание тех или иных явлений означает не только негативный факт — отсутствие их осознания. Так же, как торможение не есть просто отсутствие возбуждения, так и неосознание, обусловленное торможением, означает не только отсутствие осознания, а является выражением активного процесса, вызванного столкновением антагонистически действующих сил в

Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1974. С. 143.

⁹⁵ Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и её установление / П. С. Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1974. С. 144.

жизни человека».

Недостаточно внимательное, пренебрежительное отношение субъекта к общественным интересам, нарушаемым его деянием, т. е. к объекту преступления, выражается в соответствующем психическом отношении к общественно опасным последствиям, представляющим собой вредные изменения в этом объекте. Внешними признаками этого психического отношения является отсутствие предвидения этих последствий при возможности их предвидения. Поэтому при небрежности психическое отношение к результату имеется, а при субъективном случае оно отсутствует. Всякое отношение есть связь. Психическое отношение субъекта к последствию есть психическая связь лица с этим последствием, зависимость последствия от личности субъекта. Эта зависимость существует при небрежности, а при случае нет, отсюда небрежность относится к вине, а случай нет.

Примером неосознания последствия может служить следующее дело:

00.00.0000г. Виниченко СП, управляя мотоциклом RACER <данные изъяты> без регистрационных знаков, не имея водительского удостоверения, находясь в состоянии алкогольного опьянения, двигался в Центральном районе г.Барнаула по ул. Чкалова от пер. Прудской к ул. Челюскинцев со скоростью около 115 км/ч.

В пути следования Виниченко СП. проявил преступную небрежность, двигаясь по дороге, являющейся «второстепенной», при пересечении перекрестка неравнозначных дорог ул.Челюскинцев и ул.Чкалова в Центральном районе г.Барнаула, проигнорировал требования дорожного знака, устанавливающего

очередность проезда перекрестков, 2.4 «Уступите дорогу» Приложения 1 к ПДД РФ, в соответствии с которым, водитель должен в уступить дорогу транспортным средствам, движущимся по пересекаемой дороге, имея возможность при соблюдении требований ПДД РФ обнаружить приближающийся по «главной» дороге ул.Челюскинцев автомобиль, выехал на перекресток дорог, в результате чего 00.00.0000г. в районе дома 00 в г.Барнауле допустил столкновение с автомобилем Тойота Камри регистрационный знак <данные изъяты> под управлением М. двигавшимся в направлении от ул. Партизанской к ул. Папанинцев, по «главной», относительно его движения, дороге.

Вследствие нарушения водителем Виниченко С.П. ПДД РФ произошло дорожно- транспортное происшествие, в результате которого пассажиру мотоцикла П. причинен оскольчатый полный поперечный перелом диафизов обеих костей правой голени на границе средней и нижней трети со смещением отломков и наличием ушибленной точечной раны в средней трети голени по передне- внутренней поверхности, который причинил тяжкий вред здоровью по признаку значительной стойкой утраты общей трудоспособности не менее чем на одну треть (стойкая утрата общей трудоспособности свыше 30 процентов).⁹⁶

⁹⁶ Приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края № <не определено> от <не определено> года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие».URL: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-barnaula-altajskij-kraj-s/act-459031385/>

4.3 К р и т е р и и н е б р е ж н о с т и

Нарушение какой меры внимательности и предусмотрительности можно считать порицаемым? Возможен объективный критерий и субъективный критерий. По господствующей позиции, необходимы оба. Применение объективного без субъективного есть объективное вменение, применение только субъективного практически невозможно в силу природы права как общей меры к разным людям.

Объективный критерий обозначает требования, предъявляемые к предвидению лица, субъективный же показывает фактическую возможность их выполнить.

4.3.1 О б ъ е к т и в н ы й к р и т е р и й н е б р е ж н о с т и

Этот критерий носит нормативный характер. Определяет меру должной предусмотрительности, объём должного поведения. Понятие неосторожности подразумевает отсутствие у лица требуемой, должной осторожности. Это закономерно означает, что эта должная неосторожность и будет критерием. Его определяют должностные и профессиональные обязанности лица, установленные соответственными регламентами, правила поведения или, более конкретно, правила предосторожности соответствующей сферы, правила общения и предосторожности, которые сложились в повседневном общении и деятельности.

Только обязанность лица соблюдать сложившиеся требования может влечь ответственность и обязанности эти различаются по сферам жизни. Также на них влияет важность

защищаемого блага, возможная опасность, профессиональное и должностное положение, обстановка и условия. Вне обязанности – нет и ответственности за несоблюдение.

При этом <дата> Евстратова Л.Н. заступила на смену в качестве машиниста мостового крана в первом пролете сборочно-сварочного цеха № <данные изъяты>», расположенного по адресу: <адрес>. Совместно с ФИО1, выполнявшим функции стропальщика, подсудимая осуществляла работу по подъему и перемещению (кантованию) аппарата барабана высокого давления (далее - АБВД).

В период времени с 19:20 до 19:45 ФИО1, зацепив стропу общего назначения № за нижний патрубок АБВД, и, находясь вне зоны видимости подсудимой, подал ей сигнал о натяжении указанной стропы краном.

Евстратова Л.Н., ненадлежаще исполняя свои профессиональные обязанности, не имея возможности контролировать работу стропальщика и не видя из кабины управляемого ею крана, что тот находится между стропой крана и АБВД, не обратилась к мастеру цеха для назначения сигнальщика с целью безопасного выполнения работ по кантованию, а, проявляя преступную небрежность, произвела натяжение цепной стропы, в результате чего произошло сдавление головы ФИО1 между натягиваемой стропой и АБВД.

При этом Евстратова Л.Н. достоверно знала о том, что согласно п. 22.7 раздела II «Инструкции № по охране труда для машинистов (крановщиков) электрических подъемных кранов мостового типа <данные изъяты>» от <дата>, а также п. 157 Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности опасных производственных объектов, на которых используются подъемные сооружения» от

11.11.2013 № 533, крановщику запрещается производить работу краном в отсутствии прямой видимости стропальщика. В результате неосторожных действий Евстратовой Л.Н., которая не предвидела возможности наступления общественно-опасных последствий, но при необходимой внимательности и предусмотрительности должна была и могла это предвидеть, ФИО1 была причинена тупая травма головы, повлекшая наступление его смерти на месте⁹⁷.

Поскольку правила предосторожности возникают как ответ на те вызовы, что известны создателям их, невозможно предусмотреть их на все случаи. Это делает недопустимой ответственность за те последствия, что возникли из обстоятельств, не предусмотренных правилами предосторожности, а потому и не обязано лицо было на них обращать внимание.

Обязанность предвидения вредных последствий ограничена определенными временными рамками, которые обычно совпадают с временем совершения действий, нарушающих правила предосторожности. Нередко очень важно установить момент, когда у субъекта возникает такая обязанность, особенно если лишь с возникновением обязанности предвидеть возможные вредные последствия связывается обязанность соблюдать специальные правила предосторожности.

⁹⁷ Приговор Октябрьского районного суда г Саратова Саратовской области по делу № <не определено> от 21.08.2017 года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Суд-практика». URL:<http://www.sud-praktika.ru/precedent/457316.html>

4.3.2 Субъективный критерий

Субъективный критерий обоснован недопустимостью объективного вменения. Смысл его в том, что в конкретных условиях деяния и при индивидуальных качествах лица было возможно предвидеть общественно опасные последствия, но в силу пренебрежительного отношения к общественным интересам не реализовало своей возможности.

Имеется несколько позиций по вопросу об установлении субъективного критерия. Распространена в гражданском праве презумпция абсолютной возможности сознавать характер своих деяний и предвидеть реальные и возможные последствия. Отсюда доказывать необходимо наличие обстоятельств, порождающих объективную невозможность предвидения. В сущности, презюмируется виновность лица. Для Дагеля это аргумент, но это не аргумент в действительности: проблема доказывания – сфера уголовного процесса, необоснованно смешивать вину и презумпцию невиновности. Этот подход недопустим просто в силу противоречия реальности – людей, которые соответствовали бы этому критерию, просто нет – нет людей, обладающих абсолютным осознанием и абсолютным предвидением.

Дагель предлагает устанавливать соответствие субъективному критерию положительно – через выявление реальной возможности данного конкретного лица в данных конкретных условиях предвидеть вредные последствия своего деяния. У этой возможности есть три условия:

- 1) Ситуация должна быть информативной. В ней должна быть информация о необходимости соблюдать правила предосторожности.

2) Лицо по своим индивидуальным качествам должно иметь возможность правильно оценивать сложившуюся ситуацию и предвидеть наступление общественно опасных последствий. Свидетельствуют о наличии такой возможности соответствующие физиологические данные, психологические способности, познания, опыт работы и тд.

3) Не должно быть таких обстоятельств личности или ситуации, что создавали бы невозможность предвидения им общественно опасных последствий. В сущности, это «логически обратное» из 1 и 2 условий, к тому же повторяющее по форме критикуемый абсолютизирующий подход. Это обстоятельство не должно быть создано действиями субъекта. Смысл в его выделении дидактический – для организации работы правоохранительных органов.

Рассмотрим для примера следующую ситуацию: года в период времени с .. часов ... минут до .. часов ... минут Киселев С.А., являясь на основании разрешения серии ..№ ... от ... года, выданного МО МВД России «Алейский» ГУ МВД РФ по Алтайскому краю, владельцем огнестрельного оружия, а именно охотничьего, длинноствольного, двуствольного гладкоствольного ружья ..., ..., ..., ознакомленный в установленном порядке с правилами безопасного обращения с огнестрельным оружием, пройдя соответствующую подготовку, зная нормативные документы, регламентирующие порядок обращения с огнестрельным оружием, находясь на охоте совместно с Н. и К. на территории охотхозяйства КФХ «...» Алейского района Алтайского края, то есть в березовом колке, расположенном на территории Алейского района Алтайского края, а именно на участке местности в метров северо-восточнее домовладения по адресу: ..., имея при себе охотничье, длинноствольное,

двуствольное гладкоствольное ружьё ..., ... калибра, №, снаряженное двумя патронами ... калибра, с дробовым зарядом, увидев в указанном березовом колке, расположенном на территории Алейского района Алтайского края, а именно на участке местности в метров северо-восточнее домовладения по адресу:, убегающего зайца, не имея умысла на причинение телесных повреждений кому-либо, но, не убедившись в безопасности своих действий, что может причинить тяжкий вред здоровью другому лицу, действуя по небрежности, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности в силу своего жизненного опыта и специальных познаний, полученных в ходе изучения нормативных документов, регламентирующих порядок и правила безопасного обращения с огнестрельным оружием, должен был и мог предвидеть наступление общественно-опасных последствий при небрежном обращении с огнестрельным оружием, не убедившись в том, что на линии огня не находится К., используя охотничье, длинноствольное, двуствольное гладкоствольное ружьё ..., калибра, № ..., снаряженное двумя патронами ... калибра с дробовым зарядом, произвел два выстрела из указанного огнестрельного оружия по убегающему зайцу, в результате чего произведенным первым выстрелом причинил потерпевшему К., находившемуся на вышеуказанном участке местности, по неосторожности огнестрельное ранение⁹⁸.

Информативность ситуации заключалась в том, что подсудимый знал о наличии других лиц поблизости, причём в камуфляже. Подсудимый имел необходимые разрешения и опыт,

⁹⁸ Приговор Мировой судья судебного участка Алейского районного суда Алтайского края по делу № <не определено> от <не определено> года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-alejskogo-rajona-altajskogo-kraya-s/act-230652865/>

что позволяло по его индивидуальным качествам правильно оценивать сложившуюся ситуацию. Ограничений по осознанию и предвидению, менявших его положение, не было.

4.4 Иные виды неосторожности.

Среди иных видов неосторожности выделяют правовую неосторожность, волевою небрежность, преступное невежество, беспечность.

Правовая неосторожность – случаи, когда субъект, сознавая все фактические признаки совершаемого деяния, по неуважительным причинам заблуждается относительно его общественной опасности. Дагель полагает, что неизвинительный характер ошибки в случаях, подобных просьбе безнадежно больного лишить его жизни, даёт основание считать деяние неосторожным; если же ошибка имеет извинительный характер, неосторожность отсутствует и налицо субъективный случай.

Это противоречит доктрине об юридической ошибке.

Волевая небрежность – субъект предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своих действий или последствий, которые он обязан предотвратить (этим она отличается от преступной небрежности); он не желает и сознательно не допускает их наступления (в чём отличие от умысла); однако в силу недостаточности приложенных усилий он не находит решения, позволившего избежать наступления последствий, и поэтому не рассчитывает на их предотвращение (этим она отличается от самонадеянности), хотя по объективной обстановке и своим субъективным данным субъект мог найти правильное решение и предотвратить последствия.

Примерами её Дагель называет ситуации, когда водитель на дороге растерялся и не нашёл правильного решения для предотвращения аварийной ситуации, врач не смог поставить правильного диагноза и спасти больного, и тому подобное. Психологические причины тому: замешательство, несосредоточенность на выполняемой работе и т.п., порождаемые недостаточно внимательным отношением к общественным интересам.

Возможны два её варианта:

А) опасная ситуация вызвавшая необходимость предотвращения вредных последствий, возникла по вине субъекта, в результате нарушения им правил предосторожности и Б) опасная ситуация возникла не по вине субъекта, но последний был обязан и мог предотвратить наступление вредных последствий. В первом случае обязанность предотвратить последствия возникает из предшествовавших действий субъекта, волевая небрежность присоединяется к вине, обусловившей нарушение правил предосторожности (к самонадеянности или к небрежности), и поглощается последним. Во втором случае волевой небрежностью вина субъекта исчерпывается полностью. Способность лица проявить требуемый уровень волевых усилий подчас невозможно установить без специального психологического исследования.

Преступное невежество – в силу неизвинительного невежества субъект, осуществляя деятельность, требующую специальных познаний, причиняет общественно опасные последствия, наступления которых он по невежеству своему предвидеть не мог.

Преступное невежество подпадает под признаки неосторожной вины: лицо не сознает, но имеет возможность сознавать общественную опасность своего поведения, обязано

было воздержаться от предпринимаемых действий или приобрести необходимые познания, имело возможность осознать свою неподготовленность для этой деятельности. Преступное невежество, однако, имеет определенное сходство и с самонадеянностью, и с небрежностью, а также и известные отличия от каждого из этих видов неосторожности. Это дает нам основание рассматривать преступное невежество как особую разновидность неосторожной формы вины.

Сходство с самонадеянностью заключается в том, что субъект легкомысленно берется за деятельность, требующую специальных познаний или навыков, как правило, сознает общую опасность такого рода деятельности, хотя конкретного характера этой опасности он может и не представлять. Момент самонадеянности здесь относится к самому факту совершения действий, для успешного выполнения которых у лица нет ни знаний, ни опыта. Однако, в отличие от самонадеянности, субъект не предвидит возможности наступления конкретных общественно опасных последствий (именно в силу своего невежества) и не рассчитывает на какие-либо конкретные обстоятельства, которые эти последствия предотвратят. Он рассчитывает лишь на то, что «справится» со своими обязанностями.

Сходство преступного невежества с небрежностью заключается в том, что лицо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния, а отличие — в том, что это лицо по своему невежеству и не могло их предвидеть, хотя и было обязано это сделать. В то же время, в отличие от субъективного случая, эта невозможность предвидения произошла в результате невежества, вызванного неизвинительными причинами.

Начальный момент вины при преступном невежестве

переносится на начало действий субъекта, требующих тех познаний или навыков, которые у него отсутствуют и отсутствие которых он должен был и мог сознавать. Имевшаяся у лица возможность соизмерить требования, предъявляемые соответствующим видом деятельности, со своими знаниями и опытом и определяет наличие вины в его действиях. Отсутствие возможности предвидеть конкретные нарушения правил предосторожности и конкретные последствия этих нарушений компенсируется сознанием или возможностью сознания общей опасности совершаемых действий и своей неподготовленности для их совершения.

4.5 В ы в о д ы п о н е б р е ж н о с т и

В небрежности можно выделить следующие признаки:

1. Непредвидение возможности наступления общественно-опасных последствий.
2. Возможность предвидеть при необходимой внимательности и предусмотрительности.
3. Должестование предвидеть при необходимой внимательности и предусмотрительности.

Момент вины здесь в том, что лицо не осуществило необходимой внимательности и предусмотрительности, при проявлении которых вреда бы не было.

Предметное содержание небрежности определяется:

- 1) теми обстоятельствами, которые признавал субъект и сознание которых давало ему возможность предвидеть последствия
- 2) теми обстоятельствами, соответствующими признаками состава преступления, которые субъект мог и должен был сознавать (предвидеть)

Лишь при наличии первой группы могут быть осознаны вторые, образуют предметное содержание небрежности они лишь в совокупности.

Воля лица при небрежности направляется лишь на деяние, которое субъектом не осознаётся как общественно-опасное, а через него – на желаемое, а не реально наступающее последствие. Преступное последствие не отражается в сознании лица, в мотивации положительной не участвует. Тем не менее, как мы видим, поступок при этом вполне может быть мотивирован и целенаправлен.

Только обязанность лица соблюдать сложившиеся требования может влечь ответственность и обязанности эти различаются по сферам жизни. Также на них влияет важность защищаемого блага, возможная опасность, профессиональное и должностное положение, обстановка и условия. Вне обязанности – нет и ответственности за несоблюдение.

Предлагается устанавливать соответствие субъективному критерию положительно – через выявление реальной возможности данного конкретного лица в данных конкретных условиях предвидеть вредные последствия своего деяния. У этой возможности есть три условия:

1. Ситуация должна быть информативной. В ней должна быть информация о необходимости соблюдать правила предосторожности.

2. Лицо по своим индивидуальным качествам должно иметь возможность правильно оценивать сложившуюся ситуацию и предвидеть наступление общественно опасных последствий. Свидетельствуют о наличии такой возможности соответствующие физиологические данные, психологические способности, познания, опыт работы и тд.

Не должно быть таких обстоятельств личности или ситуации, что создавали бы невозможность предвидения им общественно опасных последствий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате изучения норм уголовного закона, посвящённых вине и особенно умыслу, мнений авторитетных представителей доктрины уголовного права и выявления преобладающей позиции правоприменителей были получены определённые выводы, представленные ниже. Не претендуя на окончательность и исключительность представленных ниже утверждений, всё же считаю правильным следующее:

1) Интеллектуальный момент прямого умысла –

1.1) сознание общественной опасности совершаемых деяний, являющееся сущностным признаком умышленной формы вины, отграничивающим от неумышленных деяний, наличествующее при сознании фактического характера совершаемого деяния и сознании социального значения, т.е. его вредности для конкретных интересов общества, охраняемых уголовным законом. Сознание лицом порицаемости деяния может говорить о сознании социального значения, но не является необходимым отдельным от сознания социального значения признаком. Таково же значение предвидения общественно опасных последствий. Сознание признаков объекта также говорит об осознании общественной опасности.

1.2) Предвидение возможности (в том числе неизбежности) наступления общественно опасных последствий, т.е. сознании субъектом того, что от его действий или бездействий определённым образом создаются условия, изменения в объективном мире, которые могут повлечь возникновение фактического изменения объективной реальности, совпадающее хотя бы в общих чертах с мысленно им представленным, которое обладает осознаваемыми субъектом фактическими и социальными

признаками, подобными одноимённым признакам сознания общественной опасности.

2) Волевое отношение к общественно опасным последствиям проявляется при прямом умысле в виде желания их наступления, которое наличествует, когда общественно опасное последствие выступает как конечная цель, как средство или этап достижения конечной цели. Неизбежное побочное последствие деяний субъекта, не отвечающее вышеуказанным признакам, неразрывно связанное с достижением его цели, хотя часто и признаётся судом как последствие, соответствующее прямому умыслу, всё же не может им быть.

3) Форма вины должна устанавливаться ко всему преступлению в целом.

4) Интеллектуальный момент косвенного умысла в действительности идентичен интеллектуальному моменту прямого умысла.

5) Положительное волевое отношение к общественно опасному последствию при косвенном умысле проявляется в стремлении лицом достичь иного результата, чем общественно опасное последствие, но тем не менее совершении деяний, чьим результатом может быть общественно опасное последствие, являющееся побочным реально возможным, в том числе неизбежным, результатом деяний лица, неисключенном деяниями лица в силу недостаточности силы или отсутствия контрмотива относительно наступления общественно опасного последствия.

6) В формальных составах прямой и косвенный виды умысла не выделяются.

7) Кроме прямого и косвенного умысла выделяют также:

7.1) В зависимости от сознания характера общественной опасности совершаемых действий, а также глубины, степени

предвидения последствий, выделяют определённый, альтернативный (прямой и косвенный) и неопределённый. Квалифицируют определённый и прямой альтернативный по намерениям, остальные по последствиям.

7.2) Виды умысла по времени возникновения - заранее обдуманый и внезапно возникший.

7.3) Виды умысла по эмоциональному состоянию личности в момент возникновения намерения совершить преступление – обычный, аффектированный.

8) Установлено, что осознание порицаемости поведения является лишь факультативным признаком осознания социального значения в составе осознания общественной опасности в интеллектуальном моменте умысла и поэтому не может быть обязательным признаком интеллектуального момента умысла.

Лицо при неосторожности не имеет нормального положительного отношения к интересам общества.

Психологическое значение этих интересов ниже, чем следует, что и является причиной неосторожного поведения.

Вместе с тем, Дагель указывает на важное отличие неосторожности от умысла – отсутствие пропорциональности между «злой волей», характером, направленностью умысла с одной стороны и, с другой стороны, тяжестью наступивших последствий.

Подчеркнём, что нет оснований не допускать существование неосторожного соучастия, оно допустимо как в форме сопричинения, так и в форме.

Неоконченные неосторожные преступления логически невозможны.

Двойная форма вины занимает промежуточное положение между умышленной и неосторожной формой вины, нельзя рассматривать смешение видов умысла или неосторожности как

двойную форму вины, она несводима не только к какой-то одной из форм вины, но и к их простой их сумме, имея качественную особенность – к деянию отношение как при умысле, к последствию как при неосторожности.

Неосторожная форма вины может иметь место только в материальных составах.

Общие признаки и легкомыслия и неосторожности.

А) Единые психологические и социальные корни, порождённые общими психологическими чертами личности: недостаточная осмотрительность, внимательность, заботливости об общественных интересах.

Б) Отсутствие у лица сознания общественно-опасного характера своего деяния. Однако при любом виде неосторожности у лица есть обязанность сознавать общественную опасность своего поступка и возможность такого осознания при более осмотрительном и внимательном подходе.

Различия видов неосторожности имеют качественный, а не количественный характер, их неверно соотносить по степени тяжести.

Легкомыслие имеет следующую совокупность признаков:

1. Осознание фактических признаков преступного действия или бездействия и имело возможность и обязанность сознавать его общественно опасный характер.
2. Предвидение возможности наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия.
3. Расчёт на предотвращение этих последствий.
4. Расчёт имел легкомысленный, или, в современной терминологии, самонадеянный характер, отчего и наступили последствия.

Лицо не сознаёт общественной опасности своего деяния при легкомыслии.

Субъект в своём сознании отражает пересечение двух причинно-следственных рядов: источником первого является его деяние. Источником второго – те обстоятельства, на которых основывается его расчёт на предотвращение. Их взаимодействие, по мнению субъекта, должно повлечь ненаступление результата. Ошибка в представлении о 2 причинно-следственном ряде и является характерной чертой легкомыслия. Иначе с умыслом, поскольку там значим только 1 причинно-следственный ряд, соответствующий первому ряду в легкомыслии, ошибка в нём исключает постановку в вину лицу реально наступивших последствий.

Интеллектуальная сторона легкомыслия: субъект сознаёт (как считает Дагель, как правильно, так и неправильно), что определённые обстоятельства, на которые оно рассчитывает, имеются или будут, и отсюда полагает, что их существование прекратит или изменит развитие причинно-следственной связи, что вызвана его деянием, а тем самым предотвратит наступление общественно опасных последствий.

Волевая сторона: активное желание ненаступления общественно-опасных последствий, в том, что расчёт на их предотвращение является одним из мотивов совершённого лицом деяния. Кроме того, в некоторых случаях недопущение общественно-опасных последствий, которые предвидит субъект, является целью его действий.

Легкомысленным может быть признан такой только расчёт, когда он изначально имеет необоснованный характер.

Критериями вины субъекта самонадеянности являются, во-первых, объективный критерий — обязанность субъекта

предвидеть недостаточность. обстоятельств, на которые он рассчитывал, для предотвращения результата, обязанность субъекта соблюдать правила предосторожности, и, во-вторых, субъективный критерий - возможность лица это сознавать.

Обоснованный риск «искупает» вредные последствия высокой целью, Субъективной особенностью цели является допущение общественно-опасного последствия в отличие от легкомыслия, когда лицо субъективно не допускает возможности общественно-опасного последствия.

В небрежности можно выделить следующие признаки:

1. Непредвидение возможности наступления общественно-опасных последствий.
2. Возможность предвидеть при необходимой внимательности и предусмотрительности.
3. Должестование предвидеть при необходимой внимательности и предусмотрительности.

Момент вины здесь в том, что лицо не осуществило необходимой внимательности и предусмотрительности, при проявлении которых вреда бы не было.

Предметное содержание небрежности определяется:

- 3) теми обстоятельствами, которые признавал субъект и сознание которых давало ему возможность предвидеть последствия
- 4) теми обстоятельствами, соответствующими признаками состава преступления, которые субъект мог и должен был сознавать (предвидеть)

Лишь при наличии первой группы могут быть осознаны вторые, образуют предметное содержание небрежности они лишь в совокупности.

Воля лица при небрежности направляется лишь на деяние, которое субъектом не осознаётся как общественно-опасное, а через него – на желаемое, а не реально наступающее последствие. Преступное последствие не отражается в сознании лица, в мотивации положительной не участвует. Тем не менее, как мы видим, поступок при этом вполне может быть мотивирован и целенаправлен.

Только обязанность лица соблюдать сложившиеся требования может влечь ответственность и обязанности эти различаются по сферам жизни. Также на них влияет важность защищаемого блага, возможная опасность, профессиональное и должностное положение, обстановка и условия. Вне обязанности – нет и ответственности за несоблюдение.

Предлагается устанавливать соответствие субъективному критерию положительно – через выявление реальной возможности данного конкретного лица в данных конкретных условиях предвидеть вредные последствия своего деяния. У этой возможности есть три условия:

3. Ситуация должна быть информативной. В ней должна быть информация о необходимости соблюдать правила предосторожности.

4. Лицо по своим индивидуальным качествам должно иметь возможность правильно оценивать сложившуюся ситуацию и предвидеть наступление общественно опасных последствий. Свидетельствуют о наличии такой возможности соответствующие физиологические данные, психологические способности, познания, опыт работы и тд.

Не должно быть таких обстоятельств личности или ситуации, что создавали бы невозможность предвидения им общественно опасных последствий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты и другие официальные документы

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации: принят Гос. Думой от 24 мая 1996 г. №63-ФЗ (с изм. на 12.05.2016). –М.:Эксмо,2015. – 205с.
2. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 (в ред. Закона РСФСР от 25.07.62). // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.
3. Сведения о деятельности МВД РФ за январь-май 2015 г. // Официальный сайт МВД РФ. [Электронный ресурс] – Электр. дан. – Заглавие с экрана. URL: <https://mvd.ru/reports/item/3566984>
4. Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. N 1 "О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)" / - [Электронный ресурс] - // Справочно- правовая система «Гарант» URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1251642/>
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения" / - [Электронный ресурс] - // Справочно- правовая система «Гарант» URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1689227/>
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. N 14 "О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем" / - [Электронный ресурс] - // Справочно- правовая система «Гарант» URL:<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12027120/>

Специальная научная и учебная литература

7. Дагель, П.С. Субъективная сторона преступления и её установление / П. С. Дагель, Д.П. Котов. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1974. –243 с.
8. В. Г. Макашвили. Уголовная ответственность за неосторожность. М.: Госюриздат, 1957. 209 стр.
9. Гринберг, М. С. Понятие преступной самонадеянности /М. С.Гринберг. //Правоведение. -1962. - № 2. - С. 97 – 105
10. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. - М. : Юркнига, 2003. - 478 с.
11. Соучастие в неосторожном преступлении: миф или реальность? (А.П. Бохан, Н.В. Петрашева, журнал "Lex Russica", N 5, май 2016 г.) – [Эл. источник] – URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=21&art=6246>
12. Памятники русского права. Вып. 5. М., 1956. С. 134, 248 - 251, 310 - 314, 432 - 436.
13. Кистяковский А.Ф. Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства: Часть Общая. Киев, 1891. С. 312 – 313.
14. Векленко С.В. Понятие, сущность, содержание и формы вины в уголовном праве: Монография. Омск: Омская академия МВД России, 2001. С. 36.
15. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Часть Общая: Лекции. М., 1994. Т. 1. С. 410.
16. Мишунин П.Г. Очерки истории советского уголовного права. 1917 - 1918 гг. М.: Госюриздат, 1954. С. 157.
17. Назаренко Г.В. Вина в уголовном праве: Монография. Орел, 1996. С. 14 - 16.

18. Генцерзон А.А., Грицгауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. М.: Юриздат, 1948. С. 107 - 109.
19. СУ РСФСР. 1918. N 55.
20. Скрыпник Н. Уголовная политика советской власти. Харьков: 1924. С. 31.
21. Генцерзон А.А., Грицгауз Ш.С., Дурманов Н.Д., Исаев М.М., Утевский Б.С. История советского уголовного права. М.: Юриздат, 1948. С. 107 - 109.
22. СУ РСФСР. 1918. N 55.
23. Скрыпник Н. Уголовная политика советской власти. Харьков: 1924. С. 31.
24. Исаев М.М. Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик. М.-Л.: ГИЗ, 1927. С. 25.
25. Звечаровский И.Э. Уголовная ответственность: Понятие, виды, формы реализации. Учебное пособие. Иркутск: Иркутск. университет, 1992. С. 35 - 36.
26. Гроздинский М.М. Новый Уголовный кодекс УССР: Общая часть // Вестник советской юстиции. 1927. № 17. С. 585.
27. Паше-Озерский Н.Н. Несколько замечаний по поводу проекта УК РСФСР // Вестник советской юстиции. 1926. № 4. С. 143.
28. Чельцов-Бебутов М.А. Идея социальной защиты и общие учения Уголовного кодекса // Вестник советской юстиции. 1924. № 13. С. 377.
29. Трайнин А.Н. Этюды по уголовному праву. Вина и виновность // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 20 - 22.
30. Курс уголовного права. Том 1. Общая часть. Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: ИКД "Зерцало-М", 2002. / [Электронное издание] // URL: <https://law.wikireading.ru/1032>

Материалы судебной практики.

31. Приговор Октябрьского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области по делу № <не определено> от <не определено> года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Суд-практика». URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/454971.html>
32. Приговор Льговского районного суда Курской области по делу № <не определено> от <не определено> года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-lgovskij-rajonnyj-sud-kurskaya-oblast-s/act-491814096/>
33. Приговор Кызылского городского суда республики Тыва по делу № <не определено> от 26.06.2015 года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-kyzylskij-gorodskoj-sud-respublika-tyva-s/act-494676601/>
34. Приговор Ленинского районного суда г. Кемерово Кемеровской области по делу № <не определено> от 26.06.2017 года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Суд-практика». URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/440622.html>
35. Приговор Октябрьского районного суда г. Саратова Саратовской области по делу № <не определено> от 21.08.2017 года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Суд-практика». URL: <http://www.sud-praktika.ru/precedent/457316.html>
36. Приговор Кызылского городского суда республики Тыва по делу № <не определено> от 26.06.2015 года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL

- <https://rospravosudie.com/court-kyzylskij-rajonnyj-sud-respublika-tyvas/act-496451936/>
37. Приговор Бердского городского суда Новосибирской области по делу № <не определено> от 25.04.12 года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL <https://rospravosudie.com/court-berdskij-gorodskoj-sud-novosibirskaya-oblast-s/act-476591924/>
38. Приговор Ленинского районного суда г. Оренбурга Оренбургской области по делу № <не определено> от 26.08.2016 года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-orenburga-orenburgskaya-oblast-s/act-524060119/>
39. Приговор Ленинского районного суда Курской области по делу № <не определено> от 25.06.2014 года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL <https://rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-kurska-kurskaya-oblast-s/act-104303555/>
40. Приговор районного суда Немецкого национального района Алтайского края по делу № <не определено> от <не определено> года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовой ресурс «Судакт». URL: <http://sudact.ru/regular/doc/52uavQ9Md4mN/>
41. Приговор Бийского районного суда Алтайского края № <не определено> от <не определено> года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-bijskij-rajonnyj-sud-altajskij-kraj-s/act-425395390/>
42. Приговор Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края № <не определено> от <не определено> года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-barnaula-altajskij-kraj-s/act-459031385/>

43. Приговор Мирowego судьи судебного участка Алейского районного суда Алтайского края по делу № <не определено> от <не определено> года . [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Росправосудие». URL: <https://rospravosudie.com/court-sudebnyj-uchastok-alejskogo-rajona-altajskogo-kрая-s/act-230652865/>